

Александр Абалихин

Бабочки на крутых ступенях

Серия «Перекрёсток»

16+

Александр Абалихин

Бабочки на крутых ступенях

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Абалихин А.

Бабочки на крутых ступенях / А. Абалихин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Наш современник едва не погибает под колёсами грузовика. Неожиданно обрываются все звуки, застывают автомобили и люди. В это мгновение перед его мысленным взором проносится жизнь юной женщины, которая жила в стране ацтеков. Она станет свидетельницей жестоких жертвоприношений, сражений с конкистадорами, падения Теночтитлана, побывает в заброшенном городе Теотиукан, встретится с таинственным Пернатым Змеем – Кетцалькоатлем. Историко-фантастический роман «Бабочки на крутых ступенях» – четвёртый из серии «Перекрёсток», в которую также вошли книги: «Страна Синих Ягод», «Озеро Веры», «Multi venerunt, или Многие пришли», «Пылающие души Виньеруны»

Содержание

Пролог. Перекрёсток на окраине	5
Глава 1. Возвращение оранжевых бабочек	6
Глава 2. Бегство из Заоблачного города	22
Глава 3. Игра	33
Глава 4. Ночь в Теночтитлане	47
Глава 5. Казнь бабочек	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Абалихин

Бабочки на крутых ступенях

Пролог. Перекрёсток на окраине

Светофор на перекрёстке не работал. Ступивший на пешеходный переход Игорь Савельев только что избежал гибели под колёсами нескольких автомобилей. При этом он подвернул ногу и упал.

Игорь увидел оранжевую кабину несущегося на него грузовика. И вдруг всё застыло. Остановился и грузовик.

Стихли все звуки, а потом померк свет, и всё вокруг погрузилось в темноту...

Когда тьма рассеялась, пешеход оказался в ином мире, который был ему так же близок и дорог, как и мир вокруг злополучного перекрёстка. Теперь он находился не на окраине современного большого города, а в незнакомой местности. Странно, но теперь у него было женское имя – Китлалполь.

Кто же он – сорокалетний мужчина, лежащий на пропахшем выхлопными газами горячем асфальте, или молодая женщина, которая стояла на верхней площадке усечённой пирамиды? Всё-таки, именно Китлалполь сейчас созерцала величественные горы и Заоблачный город ацтеков – Миштлиалтепетль, расположенный на горном плато. Это был город, в котором она жила.

Глава 1. Возвращение оранжевых бабочек

Китлалполь окружали смуглые люди – мужчины и женщины, облачённые в яркие одежды. Вместе с ними она стояла на верхней площадке пирамиды Луны между двумя храмами. На ней была уипиль – оранжевая сорочка с вышитыми синими ромбами, и куэйтль – синяя юбка с причудливым орнаментом, напоминающим серые струйки дыма. Спину Китлалполь укрывала наброшенная на плечи кечкемитль – сиреневая пелерина с вышитыми на ней серебристыми рыбами. На ногах у неё были лёгкие сандалии. Рядом с ней стоял молодой статный мужчина в серебристой тунике и в роскошном тилмантли – сиреневом плаще, покрытом золотистыми узорами. Его голову украшал венец с длинными зелёными перьями кетцаля. Это был её муж – Текалотль.

У неё было не только прекрасное имя – Китлалполь, она и сама была красива. Роскошные ниспадающие на плечи чёрные волосы, большие миндалевидные тёмные глаза и изящная фигура сводили с ума многих юношей Миштлиалтепетля. Впрочем, никто из них не пытался ухаживать за ней, боясь навлечь на себя гнев её супруга – молодого ацтека знатного происхождения.

Китлалполь родилась далеко от Миштлиалтепетля – в Тласкале. Её родители тоже были знатными и богатыми, как и её муж. Могла ли Китлалполь в детстве предположить, что будет жить в одном из красивейших городов империи ацтеков? Ведь правители Тласкалы возглавляли союз народов, противостоящих этой империи. Лишь недавно между ацтеками и тласкальтеками установился хрупкий мир.

Во время короткого перемирия между извечными врагами – ацтеками и тласкальтеками, правители воюющих стран решили укрепить мир заключением браков между ацтекскими юношами и девушками из знатных родов Тласкалы. Многие девушки тогда покинули родные дома. Родители Китлалполь опасались отдавать её замуж в страну ацтеков. В памяти жителей Тласкалы ещё были живы воспоминания о жутких историях, когда девушек из знатных родов соседних народов, выданных замуж за ацтеков и оказавшихся в главном городе империи – Теночтитлане, по наущению жрецов приносили в жертву Богам. И всё же Китлалполь вышла замуж за сына сановного ацтека, который приходился дальним родственником правителю ацтеков Мотекусоме.

Китлалполь повезло. Её молодой супруг по имени Текалотль был назначен наместником правителя ацтеков в Миштлиалтепетле.

Текалотль безумно любил свою юную красивую и умную жену. Помимо знатного происхождения Текалотль имел множество других достоинств. Он увлекался поэзией и астрономией. Текалотль мог долгими ясными ночами наблюдать за звёздами на специальной площадке, расположенной между пирамидами Луны и Солнца. Наместник помогал звездочётам Миштлиалтепетля производить расчёты и изготавливать календарь на ближайший год. Китлалполь вспомнила, что недавно видела этот календарь. По краю базальтового диска были высечены две змеи, а в центре располагались знаки, указывавшие на восемнадцать месяцев, в которых было по двадцать дней. Каждый год к календарю добавлялись ещё пять дней поста.

Китлалполь немало удивилась, когда узнала, как была развита наука в стране ацтеков. Среди ацтеков было много математиков и звездочётов. Ацтеки возводили изумительные по красоте роскошные дворцы для знати, величественные пирамиды и храмы, расписанными яркими разноцветными узорами. Сооружения проектировали талантливые зодчие, достигшие совершенства в своём творчестве.

Столица страны ацтеков Теночтитлан славилась не только своими дворцами, пирамидами и храмами, но и удобными каналами, прямыми улицами, просторными площадями, богатыми

рынками и чудесными садами. Остальные города ацтеков также были красивыми и удобными для проживания. В них были проложены водопровод и канализация.

Однако при всей своей красоте и величественности, ацтекские города помимо восхищения, вызывали у инородцев невероятный страх. Многочисленные человеческие жертвоприношения Богам ужасали чужестранцев. Поскольку редко кто из них оказывался в стране ацтеков по своей воле, а чаще всего – в качестве пленников, то их ожидала жуткая смерть на жертвенных камнях.

Китлалполь уже целый год спокойно жила в Заоблачном городе, зная, что её муж всегда заступится за неё. Текалотль был таким же влиятельным человеком, как и Чимолли – старший жрец Заоблачного города, которому были подчинены жрецы всех городских храмов.

Китлалполь полюбила Заоблачный город. Миштлиалтепетль, раскинувшийся на горном плато, был прекрасен. Все великолепные культовые сооружения этого города повторяли форму храмов и пирамид главного города страны ацтеков – великолепного Теночтитлана. Два храма были расположены на пирамиде Луны: храм Бога Тецкатлипоки – повелителя ветра, звёзд и холода, творца и разрушителя всего сущего, и храм бога Кетцалькоатля, Пернатого Змея – покровителя земледелия, наук, игр и искусства. У входа в каждый храм лежали большие жертвенные камни.

Храм, посвящённый Богу Тецкатлипоки, был сложен из серого камня, в который были вкраплены сверкавшие на солнце обсидиановые пластины. В лунные ночи эти пластины таинственно поблёскивали, отражая тусклый свет. Внутри храма располагалось огромное, в два человеческих роста, базальтовое изваяние Тецкатлипоки с поясом из обсидиановых зеркал, инкрустированных по краям драгоценными камнями.

Стены небольшого храма Пернатого Змея были выкрашены в яркие цвета – жёлтые, синие, зелёные и красные, как перья священной птицы кетцаль. Свод храма украшали изображения разноцветных бабочек и различных птиц – кетцалей с ярким роскошным оперением, цапель и маленьких нежных колибри. Изваяния двух огромных чёрных крылатых змей, на месте глаз у которых располагались огненные опалы, встречали горожан у входа в храм. Внутри храма стояла золотая статуя Кетцалькоатля, напоминающая одновременно дракона, человека и птицу. Головной убор Пернатого Змея был украшен рубинами, изумрудами и бирюзой, между которыми были вкраплены крупные отшлифованные чёрные и белые жемчужины в форме чешуек змеиной кожи. В центре храма находился жертвенный алтарь с огромными жертвенными чашами, в которых сжигались колибри и бабочки.

Ещё два храма, посвящённые грозному Богу войны Уицилопочтли и Богу дождя громовержцу Тлалоку стояли на вершине усечённой пирамиды Солнца, которая была намного выше пирамиды Луны. Эти храмы не отличались друг от друга ни размерами, ни формой, дабы не выделять никого из могущественных Богов и не обидеть их. Лишь раскрашены храмы были по-разному. Красные стены храма Бога войны были разрисованы белыми черепами. На покато́й красной крыше этого храма были изображены золотистые бабочки.

Храм Бога дождя был разукрашен синими и белыми волнистыми полосами. Его синюю крышу украшали изображения белых раковин. Внутри храмов находились большие изваяния этих Богов, высеченные из базальта. Позолоченная статуя грозного Бога войны Уицилопочтли, который держал в одной руке лук, а в другой – пучок стрел, была украшена цепью из золотых сердец и серебряных черепов, а статуя Тлалока – цепью из золотых сердец и серебряных морских раковин.

К этим четырём главным храмам, а также к остальным городским храмам, стоявшим на верхних площадках меньших пирамид, вели крутые ступени, поднимаясь по которым, уставали даже молодые люди.

Китлалполь с замиранием сердца смотрела на Заоблачный город, на его пирамиды, храмы и белые дома с плоскими серыми крышами. Один из больших и богатых домов принадлежал её мужу. Он располагался неподалёку от шумного рынка, крытого тростником.

Из-за облаков выглянуло яркое солнце. Китлалполь зажмурилась и перевела взгляд вниз, на белёсый туман, который напознал на жилые дома, расположенные на окраине Миштлиалтепетля.

В подступавшем к городу густом лесу скрывались сильные ягуары и летали красивые священные птицы кетцаль. Осенью ветви деревьев облепляли прилетевшие с севера красивые золотисто-оранжевые бабочки, которые складывали крылышки и замирали, оставаясь на ветвях до весны. Их было так много, что ветви, порой, не только сгибались под тяжестью тысяч нежных хрупких созданий, но и ломались.

Китлалполь с нетерпением ожидала возвращения оранжевых бабочек. Бабочки скоро должны были прилететь.

Спускаясь по крутым ступеням пирамиды, Китлалполь порадовалась, что очередной день прошёл без человеческих жертвоприношений. Она никак не могла привыкнуть к жестоким религиозным обрядам ацтеков. Восемнадцать дней в году ацтеки с размахом отмечали свои религиозные праздники. В Теночтитлане во время праздников с жертвенных камней храмов, посвящённых разным Богам, текли ручьи крови. Жрецы вырывали из груди жертвы трепещущее горячее сердце и бросали его в огонь, а обезглавленные тела сбрасывали с пирамид и те, скатывались вниз под восторженные крики толпы, обильно орошая кровью крутые каменные ступени. Китлалполь с содроганием смотрела на жестокие убийства и поэтому по праздникам не любила бывать в главном городе империи ацтеков. А ведь их с мужем часто приглашал на праздники сам правитель ацтеков Мотекусوما, и отказываться было нельзя.

Китлалполь не могла понять, зачем нужно было убивать столько людей? Неужели, только для того, чтобы умиловить бесчисленными жертвами свирепых Богов ацтеков? Она с ужасом вспоминала, как однажды в Теночтитлане присутствовала при жертвоприношении нескольких тысяч пленников. Правда, это были не её соплеменники, а чужеземцы, проживавшие у западных рубежей империи ацтеков.

Всякий раз после возвращения из Теночтитлана, Китлалполь начинала упрашивать мужа прекратить жертвоприношения людей в Заоблачном городе.

В последнее время жрецы во всей империи ацтеков стали перегибать палку, и в целях устрашения подданных и укрепления собственной власти, практиковали жестокие массовые ритуальные убийства. Под их обсидиановые ножи попадали не только захваченные в плен воины, но и рабы, в том числе ацтеки. Среди жертв были и дети нищих родителей, и юные девственницы, которых приносили в жертву, чтобы спасти урожай во время засухи, и лучшие игроки команд-победительниц, вырвавших победу в игре, которая называлась тлачтли.

Текалотлю недавно удалось уговорить жрецов Миштлиалтепетля ограничить жертвоприношения, объясняя это тем, что доставлять в отдалённый Заоблачный город пленников довольно затруднительно.

– Как было бы хорошо, если хотя бы в нашем городе совсем перестали приносить в жертву людей, – сказала мужу Китлалполь.

– Ты же знаешь, что это невозможно. Уже сейчас жрецы оказывают мне любезность, идя на уступки и ограничивая человеческие жертвоприношения. И так старший жрец нашего города Чимолли часто искоса посматривает на меня, – объяснил Текалотль. – Жрецы не любят, когда вмешиваются в их дела. Не удивлюсь, если узнаю, что старший жрец Миштлиалтепетля уже пожаловался на меня Мотекусоме.

– Почему Боги ацтеков столь жестоки? Зачем им требуется столько смертей? – спросила Китлалполь.

– Почему ты спрашиваясь об этом меня? Лучше спроси у Чимолли. Впрочем, не надо... Не спрашивай его ни о чём. И прошу тебя, не говори так громко. Не хватало, чтобы тебя кто-нибудь услышал! – недовольно произнёс Текалотль, оглядываясь по сторонам.

– Но ведь раньше не требовалось такого количества человеческих жертв, – уже тихо сказала Китлалполь.

– Откуда ты знаешь, что было раньше? – судя по интонации, Текалотль начинал сердиться на жену.

– В детстве, когда я жила в Тласкале, я слышала от стариков, что в прежние времена народ майя, населявший эти земли не приносил столько жертв. Лишь в редких случаях, во времена великой засухи или смертельных эпидемий, майя устраивали обряд с принесением человека в жертву. Пришедшие на эти земли тольтеки стали чаще приносить в жертву людей. Переселившиеся с севера и основавшие Теночтитлан ацтеки сначала также редко приносили человеческие жертвы, но потом жертвоприношения стали столь частыми, что жертвенные камни в храмах и ступени пирамид перестали просыхать от человеческой крови. Даже светлому и мудрому Богу Кетцалькоатлю в последние годы жрецы стали приносить в жертву не бабочек и колибри, а людей! – с возмущением говорила Китлалполь.

– Спасибо за урок истории, но лучше тебе не задумываться над этими вопросами, – посоветовал Текалотль. – Между тем, ацтеки не считают человеческие жертвоприношения чем-то ужасным. Ведь те, у кого вырывают сердце на жертвенных камнях, отправляются в чертоги к Великим Богам и просят их помочь остающимся на земле ацтекам.

– Но ведь пленники и дети не хотят умирать в муках. Пленники вряд ли радуются, когда с них живём сдирают кожу, чтобы потом в ней несколько дней ходили жрецы. Дети не хотят, чтобы у них вырывали из груди бьющиеся сердца или медленно выпускали всю кровь. А разве не в муках умирают люди, которых бросают в жертвенный костёр, посвящая жертву богу огня и вулканов Шиутекутли?

– Зато это нужно Богам. Им требуется мощная энергия, которая исходит от жертвы в момент смерти. А души людей, умерших на жертвенных камнях, сразу отправляются на небо и живут среди Богов, – возразил Текалотль. – Боги должны питаться человеческой кровью, чтобы не погасло Солнце, и не прекратил существование наш мир. Уцилопочтли сражается каждый день с тьмой и требует постоянного пополнения сил. Ведь только благодаря человеческой жертвенной крови солнце не гаснет.

– Ты рассуждаешь так же, как жрецы. Однако старики мне рассказывали, что Кетцалькоатль говорил совершенно противоположное.

– И где же твой Кетцалькоатль? – с усмешкой спросил Текалотль. – Он давно покинул землю.

– Он обещал вернуться. Пернатый Змей возвратится и наведёт порядок. И тогда жестокие жрецы ответят за свои деяния. Я не верю, что Боги-творцы обязали их приносить человеческие жертвы. Жрецы ацтеков поклоняются мраку, а не свету, – уверенно произнесла Китлалполь.

– Я не слишком сведущ в вопросах веры, чтобы обсуждать их с тобой. Однако, признаюсь, что мне, как и тебе, претят частые человеческие жертвоприношения, и я тоже склонен верить Пернатому Змею и ожидать его возвращения, но пока он не вернулся, следует принимать жизнь и обычаи ацтеков такими, какие они есть. Поверь, если бы я не любил тебя, милая моя Китлалполь, то ни за что не решился рискнуть жизнью ради сомнительной идеи ограничить человеческие жертвоприношения.

– Так ты это делаешь ради меня? – ласково взглянула на мужа Китлалполь.

Текалотль кивнул ей. Китлалполь прижалась к его плечу и произнесла:

– Ты знаешь, как мне хочется, чтобы как можно скорее вернулся Кетцалькоатль!

– Пернатый Змей обязательно вернётся, если ты его так ждёшь, – улыбувшись, сказал Текалотль.

– Это так нелегко – ждать, – проговорила Китлалполь. – Ведь даже оранжевые бабочки, и те долго не возвращаются, что уж тогда говорить о Пернатом Змее? – грустно проговорила Китлалполь. – Мне кажется, что жертвы напрасно переносят страшные муки. Ведь для детей и пленников, не понимающих смысла страшного ритуала жертвоприношения, по сути, это не жертвоприношение, а жуткая казнь и мучительная смерть. Есть города, и не только в моей родной Тласкале, где Богам не приносятся человеческие жертвы. Даже во входящем в Тройственный союз ацтеков городе Тескоко запрещены человеческие жертвоприношения.

– Давай отложим этот разговор до дома, – предложил Текалотль, заметивший стоявших у подножия пирамиды жрецов Богов Уицилопочтли и Тлалока – Азтлана и Коуолли.

– Почему ты боишься жрецов? Разве ты не наместник и не родственник Мотекусомы? – удивилась Китлалполь.

– Ты же знаешь, что жрецов опасается даже сам правитель ацтеков. Ты словно не чувствуешь опасности и снова так громко говоришь, что привлекаешь к нам ненужное внимание. А ведь я уже обещал тебе, что постараюсь убедить Чимолли ещё больше ограничить человеческие жертвоприношения в Заоблачном городе. По крайней мере, я собираюсь убедить не только Чимолли, но и попросить самого Мотекусому, чтобы он отдал приказание жрецам во всех городах ацтеков приносить в жертву только пленников. Хотя, по правде говоря, сделать это будет непросто. Попробуй сказать капитану команды, что его команда зря побеждала соперника в игре в тлачтли. Никто не может лишить ацтека его мечты умереть под обсидиановыми ножами жрецов во имя одного из Богов.

Текалотль не успел договорить. Ощувив на плече тяжёлую руку, он оглянулся и увидел Кипактли – жреца храма Тецкатлипоки. На рослом широкоплечем жреце был чёрный плащ с изображёнными на нём белыми черепами. Голову жреца украшал венец с множеством белых и чёрных перьев. На груди у Кипактли висел сиреневый круг из плотной ткани с вкрапленными в неё чёрными камнями. Лицо его было покрыто чередующимися белыми и чёрными полосами. Жрец Бога Тецкатлипоки выглядел мрачно. Однако синие его глаза смотрели живо и внимательно. Такие ясные синие глаза редко встречались среди ацтеков.

– Кипактли! – недовольно воскликнул Текалотль. – Ты так неожиданно подошёл, что напугал меня.

– Знал бы ты, как меня настораживают мысли твоей супруги, которые она не стесняется произносить довольно громко, – тихо проговорил Кипактли. – Посмотри, как на вас смотрят Азтлан и Коуолли! Ты прав, когда велишь своей говорливой супруге замолчать.

Кипактли вместе с Текалотлем и Китлалполь спустились с пирамиды, и подошли к жрецам суровых Богов.

– Что привело вас с пирамиды Солнца к подножию пирамиды Луны? – спросил Кипактли у Азтлана и Коуолли.

Жрец храма Уицилопочтли – долговязый худой Азтлан был облачён в красный плащ, украшенный такими же белыми черепами, как и плащ Кипактли. Его голова была выбрита над ушами, а на темени волосы были замотаны в пучок. На его лбу красовался венец с алыми перьями, которые колыхал слабый ветерок. Расшитый золотым орнаментом красный круг на его груди был запачкан засохшей коричневой кровью.

Рядом с Азтланом стоял жрец храма Тлалока – низкорослый Коуолли с круглым животом, за который его порой называли беременным жрецом. Синий плащ Коуолли был разрисован белыми раковинами, а на его голове возвышался венец с синими и зелёными перьями священной птицы кетцаль.

– Мы прогуливались по городу и решили переговорить с Текалотлем о важных делах в доме Чимолли или в одном из храмов на пирамиде Солнца, – сказал Коуолли и пристально посмотрел на Китлалполь.

Ей стало не по себе от его взгляда. Она давно заметила, что у Коуолли порой был ненавидящий, а иногда – сластолюбивый взгляд.

– Отчего же нам не поговорить здесь и сейчас? – спросил Текалотль.

– Разговор этот государственной важности и не предназначен для посторонних ушей, – сказал Азтлан.

– Не думаю, что сегодня, в праздничный день, посвящённый Пернатому Змею, стоит заниматься государственными делами, – заметил Текалотль.

– Как можно называть праздничным день, если не было принесено ни одной человеческой жертвы? – нахмурившись, спросил Азтлан.

– Да. Нам с Азтланом известно, что сегодня в храме Кетцалькоатля снова не была принесена человеческая жертва, – добавил Коуолли.

Китлалполь поняла, что Азтлан и Коуолли уже успели переговорить с людьми, которые раньше, чем они с мужем, спустились с пирамиды Луны.

– В последнее время жрец Кетцалькоатля Олонтетль даже колибри и бабочек стал редко приносить в жертву, – недовольно произнёс Азтлан.

– Но ведь оранжевые бабочки ещё не прилетели, а несколько колибри Олонтетль сегодня, всё-таки, сжёг, – сказала Китлалполь.

– Твоя жена стала слишком много говорить, – сдвинув брови, сквозь зубы процедил Азтлан.

– Моя супруга имеет право говорить, как и все остальные свободные граждане страны ацтеков! – заявил Текалотль.

– Несомненно, она имеет на это право, – сказал Коуолли. – Вот только хотелось бы услышать, о чём она только что говорила, а то слабый ветер доносил до нас с Азтланом только обрывки её слов, когда вы спускались с пирамиды.

– Вы подслушиваете наши разговоры? – недовольно сказал Текалотль.

– Мы не подслушиваем, а всего лишь прислушиваемся, – признался Коуолли.

– Мы вынуждены это делать, поскольку речь идёт о государственной безопасности. Мы не можем допустить, чтобы чужеземка подрывала устои империи ацтеков, – сказал Азтлан.

– Не забывайся, Азтлан! Ты сейчас назвал чужеземкой мою жену! – повысил голос Текалотль.

– Но ведь так оно и есть, – произнёс Азтлан, искоса взглянув на Китлалполь.

– Китлалполь уже давно живёт в Миштлиалтепетле и душой она теперь вместе с ацтеками, – сказал Текалотль.

– Я бы не стал так уверенно говорить о пристрастиях души твоей супруги, – усмехнулся Азтлан. – Я уверен, она до сих пор тоскует о своей родине. А ведь народ Тласкалы постоянно воевал с ацтеками. Как я слышал, твоя жена помнит историю своего народа, поэтому не мне тебе напоминать об извечном противостоянии ацтеков и тласкальтеков.

– Тласкальтеки теперь нам не враги, – возразил Текалотль.

Азтлан и Коуолли при этих словах переглянулись и едва заметно усмехнулись. Текалотль заметил их ухмылки и встревожено спросил:

– Что-то произошло за то время, пока мы находились в храме Кетцалькоатля?

– Пока ничего не произошло, – сказал Азтлан.

– Но ведь ты знаешь, Текалотль, что во время войны к инородцам, проживающим на земле ацтеков, доверять нельзя, – сказал Коуолли.

– О чём вы говорите? Уж не началась ли война с Тласкалой? – настороженно спросил Текалотль.

– Война пока не началась. Однако если она начнётся, то это будет настоящая, а не Цветочная война. А война грядёт. Решение уже принято, – глухо произнёс Азтлан.

Услышав эти слова, Китлалполь вздрогнула. Она прекрасно осознавала, что означала война её народа с ацтеками. Война Тласкалы с империей ацтеков была ужасной не только для неё, но и для всех её родных, оставшихся в Тласкале. Китлалполь прекрасно понимала, что Тласкала, окружённая со всех сторон империей ацтеков, долго не выстоит в кровопролитной схватке с жестокими врагами. Единственная надежда была лишь на то, что в случае очередной войны ацтеки не уничтожат Тласкалу полностью. И то, это случится только по простой причине, которую недавно озвучил сам нынешний правитель ацтеков Мотекусوما на одном из пиров в Теночтитлане. Тогда Китлалполь услышала его слова и пришла от них в смятение. Мотекусوما тогда сказал:

– Тласкальтеки нужны нам, чтобы поставлять жертвы Богам.

Конечно, правитель ацтеков не обращал внимания на сидевшую неподалёку от него за столом Китлалполь. Однако слова Мотекусома крепко запали ей в память. Она и раньше знала, что ацтеки воюют не столько за расширение территории своей страны, сколько за возможность устраивать массовые жертвоприношения пленённых врагов. Слова правителя ацтеков пронзили её в самое сердце. Ведь правитель ацтеков сказал так о её сородичах – тласкальтеках. После этих слов властителя ацтеков, Китлалполь ещё больше стала ненавидеть человеческие жертвоприношения. В своём богатом воображении она рисовала одну картину страшнее другой. Мысли о возможных предстоящих жертвоприношениях и истреблении ацтеками её родственников и друзей приводили Китлалполь в ужас.

Частые ритуальные войны, которые организовывали в последнее время ацтеки, назывались Цветочными, потому что население встречало возвращавшихся с поля боя воинов с цветами в руках. Ацтеки обязывали выходить с ними на бой близлежащие к империи ацтеков страны и города, в число которых входила Тласкала. Ацтеки действительно не столько стремились к захвату земель соседей, сколько желали взять как можно больше пленных, чтобы принести их в жертву Богам. Соседи ацтеков вынуждены были покориться воле жрецов ацтеков, которые требовали всё больше и больше человеческих жертв. Такие сражения стали регулярными, и к ним уже все стали привыкать. Даже Китлалполь воспринимала Цветочные войны как обыденное явление.

Однако жрецам ацтеков, особенно в Теночтитлане, скоротечных ритуальных войн было мало. Им потребовалась большая война, чтобы отвлечь население от проблем с нехваткой продовольствия из-за нескольких неурожайных лет. К тому же, после кровопролитной настоящей войны даже у самих ацтеков едоков становилось меньше, а их соседи должны были пребывать в страхе перед могущественными соседями, узнав о жертвоприношениях десятков тысяч своих несчастных соплеменников на алтарях храмов в Теночтитлане, Тескоко, Тлакопане, Миштлиалтепетле и в других городах великой империи ацтеков. Китлалполь знала, что жрецам не пришлось долго уговаривать Мотекусому начать войну с Тласкалой. Ацтекам нужно было развязать войну с многочисленным соседним народом, войско которого считалось более слабым, чем войско ацтеков. Таким удобным противником для ацтеков была Тласкала.

– Откуда вы знаете, что решение о начале войны принято? – спросил Текалотль.

– К Чимолли прибыл гонец из Теночтитлана от Мотекусома, – сообщил Азтлан. – Насколько мне известно, война с Тласкалой – дело решённое. Жрецы лишь выбирают день, удобный для начала войны.

– Мне кажется, что ты не рад войне, Текалотль? С каких это пор знатный человек, сын военачальника-тлакатекали, который за свою жизнь пленил пятнадцать врагов, начинает трепетать вместе со своей женой, услышав про грядущую войну? – с усмешкой произнёс Коуолли.

– Это неожиданное известие для меня, – признался Текалотль. – Мне требуется оповестить об этом всех жителей Заоблачного города.

– Текалотль, пора бы тебе самому возглавить и повести из Миштлиалтепетля в Теночтитлан войско, – сказал Азтлан. – Ведь до женитьбы ты сам был воином-орлом, взявшим в плен четырёх врагов.

– Что ж, нам и вправду следует с вами переговорить, – задумчиво произнёс Текалотль и обратился к Китлалполь:

– Ступай домой, милая!

– Никуда не ходи. Отведи меня домой, – попросила Китлалполь.

– Кипактли проводит тебя, – сказал Текалотль.

– Я полагал, что мне тоже необходимо принять участие в беседе с вами, – нахмурившись, сказал жрец храма Тецкатлипоки.

Азтлан и Коуолли с недоверием посмотрели на Кипактли.

– Что ж, наверняка, это важно. Чимолли, правда, собирался переговорить только со мной, Коуолли и Текалотлем, но если ты желаешь, пойдём с нами, Кипактли, – предложил Азтлан.

– Почему-то Чимолли не хотел, чтобы мы с Азтланом поднимались на пирамиду Луны, – сказал Коуолли.

– Это не из-за Кипактли, а из-за Олонтетля, – сказал Азтлан. – Чимолли не хотел, чтобы мы с ним встречались. Старший жрец Миштлиалтепетля недоволен Олонтетлем.

– А вот и сам Олонтетль идёт к нам! – сказал Кипактли, увидев спускавшегося по ступеням пирамиды стройного молодого человека в зелёном плаще и с венцом на голове, украшенным зелёными, белыми и синими перьями.

Олонтетль – жрец храма Кетцалькоатля был самым молодым среди жрецов Заоблачного города. Он приветливо помахал рукой всем, стоявшим у подножия пирамиды.

– Лучше бы он оставался в своём храме! – прохрипел Коуолли.

– О чём можно говорить со жрецом, который скоро перестанет приносить в жертву даже бабочек и колибри! – воскликнул Азтлан и с укором взглянул на Текалотля.

– Ты считаешь, что в этом виноват я? – поджав губы, спросил Текалотль.

– Не ты виноват, Текалотль. Не ты... – произнёс Азтлан и перевёл взгляд на Китлалполь.

Олонтетль спустился с пирамиды и, заметив хмурые лица жрецов и Текалотля, заинтересовался:

– Что-то произошло?

– Олонтетль, ты можешь проводить Китлалполь до дома? – попросил Текалотль. – Мне надо срочно идти к Чимолли.

– Я провожу Китлалполь. Я смогу её защитить. Ведь я совсем недавно был воином, – похвастал Олонтетль.

– Лучше бы ты им и оставался, – едва слышно произнёс Коуолли.

– Я не расслышал. Ты что-то сказал, Коуолли? – спросил Олонтетль.

– Я просто про себя рассуждаю: хорошо ли будет, если люди увидят юного жреца, сопровождающего молодую супругу наместника, – выкрутился Коуолли.

– Тебя посещают дурные мысли, Коуолли! – обиженно произнёс Олонтетль.

– Ступай, Олонтетль, если тебя об этом просит сам Текалотль, – сказал Кипактли.

– Что ж, Китлалполь, пойдём! – позвал супругу наместника Олонтетль.

Китлалполь с тревогой посмотрела на супруга и направилась домой. Олонтетль пошёл следом за ней.

Немного постояв и посмотрев им вслед, три жреца и наместник правителя ацтеков направились к дому старшего жреца Заоблачного города Чимолли.

Путь Китлалполь и Олонтетля пролегал мимо городского рынка. Как и все женщины Заоблачного города, Китлалполь любила побродить по шумному рынку. Ей нравилось слушать зазывные крики торговцев одеждой, золотыми украшениями, безделушками и разнообразными продуктами: тыквами, маисовыми лепёшками, рыбой, мясом собак, сусликов и индеек.

На прилавках стояли кувшины с пульке – перебродившим соком агавы, а также с пенящимся напитком из какао, приправленным перцем, мёдом и специями.

Однако сегодня Китлалполь было не до прогулок среди торговых рядов. Она переживала за мужа, сердцем чувствуя опасность, исходившую от Чимолли. Китлалполь понимала, что приглашение Текалотля к старшему жрецу не сулило ничего хорошего. Она гнала от себя плохие мысли.

Китлалполь не смотрела в сторону рынка и сопровождавшего её Олонтетля до той поры, пока не послышались истошные крики и грохот. Гомон, доносившийся с рынка, сменился улюлюканьем и восторженными воплями. Китлалполь с Олонтетлем уже прошли рынок и свернули на узкую улочку, ведущую к её дому, когда позади них послышались вопли и топот. Мимо Китлалполь и Олонтетля пронёсся и свернул в один из проулков худощавый юноша в набедренной повязке и с кожаным ошейником на шее. За ним гнался невысокий человек в красном плаще. В руке он держал обсидиановый нож. Поравнявшись с Китлалполь и Олонтетлем, преследователь юноши остановился и, тяжело отдуваясь, спросил:

– Куда он побежал?

Китлалполь присмотрелась к человеку в красном плаще. У него был низкий лоб, маленькие бегающие глаза и мясистый нос.

– Ты о ком спрашиваешь? – поинтересовался Олонтетль.

– О своём рабе. Его зовут Мекатли. Не пробежал ли он мимо? Куда он скрылся? – допытывался человек в красном плаще.

– Мимо нас пробежал юноша. Он не называл своего имени, – ответил жрец.

– На нём был ошейник?

– Он так быстро бежал, что я не заметил на нём ошейника, – сказал жрец.

– Так куда он побежал? – вытирая пот со лба, снова спросил человек в красном плаще. – К сожалению, я не так быстро бегаю, чтобы поймать этого длинноногого молодого негодяя.

– Ты же знаешь, что тот, кто поможет хозяину сбежавшего с рынка раба поймать его, сам станет рабом. Ищи и лови его сам, – посоветовал Олонтетль.

– Мне надо обязательно вернуть этого бездельника. Никто не узнает, что ты скажешь мне про него. Ведь кроме нас на улице никого нет. Сейчас весь народ на рынке, – сказал хозяин раба и указал рукой на пустынную улицу, вдоль которой стояли дома с белыми стенами без окон.

В Заоблачном городе окна жилых строений выходили не на улицу, а во двор.

– Да, сейчас многие жители Миштлиалтепетля на рынке. Наверно все они обсуждают побег от тебя ловкого раба и веселятся от души, – предположил Олонтетль.

– Не смейся надо мной! – прохрипел преследователь раба, и у него от негодования задёргалась правая щека.

– Я не смеюсь, – произнёс Олонтетль.

– Он свернул в ближний проулок? Да? – вопрошал хозяин раба.

– Я не склонен вести с тобой разговор, – ответил Олонтетль.

– Я узнал тебя. Ты жрец Кетцалькоатля, – присмотревшись к Олонтетлю, заявил хозяин сбежавшего раба.

– Я тоже узнал тебя, торговец собачьим мясом. Как же ты привёл на рынок раба и упустил его, Эхекатль?

– Ты совершаешь большую ошибку, отказывая мне в помощи, – процедил сквозь зубы Эхекатль. – У меня есть родственники среди жрецов Теночтитлана и знакомые среди приближённых правителя ацтеков.

– Ты вздумал мне угрожать, Эхекатль? – вскинув брови, спросил Олонтетль. – Ты не боишься гнева Кетцалькоатля?

– Кетцалькоатль – слабый Бог. Он покровитель масеуалли – ничтожеств, простолюдинов, которые не могут взять в плен ни одного воина и ходят с длинными волосами. Я слышал, что

Кетцалькоатль боится крови и противится человеческим жертвоприношениям. Он никогда не вернётся! – ухмыльнувшись, сказал Эхекатль.

– Сейчас же умолкни! – с негодованием воскликнул Олонтетль. – Кетцалькоатль – великий Бог!

– Бабочки и колибри – вот чем он питается. Это смешно! Без человеческой крови нормальный Бог не может жить! – выкрикивал Эхекатль.

– С каких пор ты решаешь, без чего не могут жить Боги? – удивился Олонтетль.

– Я же сказал, что у меня есть родичи в Теночтитлане. Во время каждого посещения столицы, я беседую со жрецами. От них я научился высшей мудрости, – сказал Эхекатль.

– У моего мужа Текалотля – наместника правителя ацтеков, тоже есть знатные родственники в Теночтитлане, однако он не кичится этим, как ты, Эхекатль, – вступила в разговор Китлалполь.

– И ты заговорила, чужеземка? Если ты выскочила замуж за наместника правителя ацтеков, это ещё ничего не значит. Ничего, скоро ты узнаешь, где твоё место, чужестранка! – снова ухмыльнулся торговец собачьим мясом.

– На твоём месте я лучше бы побегал по городу и поискал раба, чем угрожать нам с Китлалполь, – посоветовал торговцу Олонтетль.

– Я лучше знаю, что мне делать. Этого негодяя Мекатли мне уже не догнать. Но я постараюсь его изловить. Никуда он из города не денется, – проворчал Эхекатль и, резко развернувшись, направился назад.

Олонтетль посмотрел ему вслед и сказал:

– Вон как разговорился торговец собачьим мясом! Видно что-то произошло, о чём я ещё не знаю.

– Да. Ты ещё не знаешь, Олонтетль, – грустно произнесла Китлалполь.

– Что же мне неизвестно?

– Грядёт война с Тласкалой.

Олонтетль пристально посмотрел на свою спутницу и сказал:

– Для тебя это ужасная новость.

– Мне сейчас нелегко. Я не только переживаю за сородичей, которым предстоит война с ацтеками, но и за своего мужа. Я боюсь за жизнь Текалотля.

– Ты полагаешь, что Мотекусوما призовет его на войну? Но вряд ли правитель ацтеков решит надолго оставить Заоблачный город без своего наместника.

– Текалотлю лучше было бы уйти на войну, чем оставаться здесь. В Миштлиалтепетле у него слишком много врагов. Здесь сильны позиции жрецов. Впрочем, во всех ацтекских городах правят они, а среди них очень мало таких как ты, Олонтетль.

Олонтетль удивлённо взглянул на Китлалполь.

– Да. Среди жрецов мало таких великодушных и добрых, как ты, – произнесла Китлалполь.

Олонтетль отвернулся от своей спутницы и принялся рассматривать булыжники на мостовой.

– Ты очень хороший, Олонтетль! Ты на самом деле веришь в возвращение Кетцалькоатля и больше не собираешься приносить ему кровавые жертвы, полагая что Пернатый Змей не кровавый Бог, как остальные Боги ацтеков.

– Я верю в его возвращение, – проговорил молодой жрец и внимательно посмотрел на свою спутницу. – Я слышал предание о Кетцалькоатле от одного древнего старика, жившего на окраине Теночтитлана. Он рассказывал, что Пернатому Змею для поддержания сил не требовалась кровь и человеческие жизни. Кетцалькоатль был мудрым Богом. Я уверен, что Пернатый Змей возвратится на землю ацтеков и установит здесь свои правила.

– И я верю в скорое возвращение Кетцалькоатля, – проговорила супруга наместника и спросила:

– Как ты думаешь, есть ли на земле место, где не идут войны, и люди не убивают друг друга? Даже в Тескокоалтепетле в последние годы не приносятся человеческие жертвы, но всё равно, воины народа аколуга из города Тескоко участвуют в войнах на стороне Теночтитлана.

– Я хочу верить, что на земле есть мир, где нет войн и убийств, – признался жрец. – Однако Богов, питающих свои убывающие силы человеческой жертвенной кровью, слишком много, а Кетцалькоатль один. Да и из него уже успели сделать Бога, жаждущего смерти и крови.

– Удивительно, как ты стал жрецом с такими мыслями, Олонтетль? Тебе впору бежать в Тескокоалтепетль, где жрецы не приносят в жертву Богам людей.

– Раньше я не задумывался над этими вопросами. А когда стал размышлять, было уже поздно. Жреческая одежда уже стала моей второй кожей. Прошло несколько лет с той поры, когда я стал задумываться над подобными вопросами, и мне, жрецу, с трудом удавалось заставить себя выполнять страшную работу – приносить человеческие жертвы Богам. Думаю, что сам Кетцалькоатль содрогается, видя, что ему в жертву приносят людей. Поэтому я с радостью согласился исполнить просьбу Текалотля и прекратил приносить в жертву людей и даже сократил жертвоприношения бабочек и колибри.

– Иногда ко мне приходят мысли, что кровавые обряды придумали жрецы и властители ацтеков с целью держать в страхе простых граждан и соседние народы, – призналась Китлалполь.

– Но ведь ацтеки Миштлиалтепетля и Теночтитлана без страха и сомнения ложатся на жертвенные камни под обсидиановые ножи жрецов. Лишь пленники всегда с ужасом встречали свою смерть на жертвенном камне, – поморщившись, сказал Олонтетль и добавил:

– Я лишь изредка видел страх и ужас в глазах ацтеков, когда вырывал у них из груди горячие сердца. Большинство же даже счастливо улыбаются. Они верили, что, умирая на жертвенном камне, они отправляются к Богам. Раньше я тоже так считал.

– А теперь ты тоже так считаешь?

– Не знаю, – честно сказал Олонтетль. – Я видел не только взрослых людей, которые умирали, когда я вырывал из их груди сердце и бросал его в огонь. Однажды я присутствовал при жертвоприношении детей в храме Тецкатлипоки. Кипактли вырезал у них сердца. Я навсегда запомнил глаза этих детей. Это было ужасно! Они горько плакали и просили их не убивать. Им затыкали тряпками рты, и они умолкали. Ведь считается, что детские слёзы помогают вызвать дождь в сильную засуху. Кипактли обсидиановым ножом вскрывал им грудь и вынимал их маленькие сердца. Я тогда едва не упал в обморок, – признался Олонтетль.

Китлалполь вздрогнула, представив, что чувствовал тогда Олонтетль.

– А как не хотели пленники умирать во имя Богов ацтеков! – продолжил жрец. – Они до последнего момента наделись на чудо, наивно полагая, что им удастся избежать гибели.

Китлалполь снова вздрогнула, вспомнив о своих сородичах – тласкальтеках.

– Всё-таки это странно. Наши Боги давно не снисходили с небес к людям. Ведь мы ничего не знаем про них, а только верим, что им нужны человеческие сердца и кровь, – заметила Китлалполь.

– Полагаю, что должно сохраняться равновесие. Некоторым Богам нужны смерти, а другим Богам – жизни. Однако сложилось так, что Боги, которые любят жизнь, забыты или о них замалчивают наши жрецы, а кровавым Богам мы поклоняемся.

– Мы с тобой обсуждаем опасные вещи, – проговорила Китлалполь, поглядывая по сторонам. – Хорошо, что на улицу не выходят окна домов, а то нас могли бы услышать.

Некоторое время они стояли молча. Китлалполь, прищутив веки, посмотрела на солнце и позвала Олонтетля:

– Что же мы остановились? Идём!

Пройдя по узкому проулку, они вышли на широкую улицу, по которой добрались до большой площади, на которой стоял дом Текалотля. Рядом с большим трёхъярусным домом наместника не было других строений. Перед домом располагался бассейн с красивыми крупными рыбами и был разбит садик с цветущими кустарниками. Все окна этого дома выходили только во двор, окружённый высокой каменной стеной. Китлалполь и Олонтетль подошли к деревянной двери, разукрашенной разноцветным орнаментом. Такие двери были лишь в домах знатных ацтеков. У простых жителей Заоблачного города вход в жилище был завешен куском плотной ткани.

Китлалполь постучала в дверь, которая тотчас же отворилась. На пороге их встретила худая сгорбленная старуха в белой накидке, доходившей ей до колен. Это была старая рабыня Коаксок. Она с удивлением взглянула на Китлалполь и сопровождавшего её жреца.

– А где хозяин? – спросила старуха.

– Не удивляйся. Текалотль направился к Чимолли, – сказала Китлалполь.

– Я хочу сообщить тебе плохую новость, хозяйка, – скрипучим голосом сказала старая рабыня.

– Неужели до тебя дошли слухи о готовящейся войне с Тласкалой? – простодушно удивилась Китлалполь.

– Нет. О таких вещах, как война, рабы узнают последними, – ответила старуха.

– Вот как... – растерянно проговорила Китлалполь. – Тогда считай, что я тебе ничего не говорила.

– Ты знаешь, хозяйка, что я умею молчать, – сказала старуха.

– Тогда о какой неприятности ты собиралась мне поведать? – спросила Китлалполь.

Старуха подозрительно посмотрела на жреца.

– Не бойся говорить при этом жреце. Рассказывай скорее! – нетерпеливо потребовала Китлалполь.

– Жрецы такие люди, что никогда не знаешь, что у них на уме. А на уме у них может быть всякое, и часто – не очень хорошее, – пробормотала старуха.

– Ты слишком много рассуждаешь, Коаксок! Не забывай, что не пристало рабыне обсуждать знатных людей, а уж тем более, жрецов. И не томи меня, рассказывай! – снова потребовала Китлалполь.

– В наш дом пробрался человек, – сообщила старуха.

– Что за человек? И как он смог пробраться в дом? – строго спросила Китлалполь. – Разве дверь не была заперта?

– Дверь была заперта. Да только я подумала, что в неё стучится кто-то из своих, и открыла её. На пороге стоял запыхавшийся юноша в набедренной повязке и с ошейником. Я испугалась – ведь, кроме меня, в доме никого не было. Однако незваный гость не угрожал мне, а стал умолять впустить его в дом, – рассказывала старуха.

– И тыпустила его? – строго спросила Китлалполь.

– Да. Он сказал, что он раб и убежал с рынка от своего хозяина. Услышав это, я решила помочь ему, – кивнула старуха. – Когда он попросил воды, я дала ему напиток. Если ты, хозяйка, решишь его выгнать, то это будет нетрудно сделать. Беглец безоружен. Сейчас вернутся рабы и выставят его за дверь.

– Нет. Пусть он останется. Однако если беглого раба отыщет хозяин, то пойманному не поздоровится. А нам тоже опасно укрывать беглеца. Помогать его ловить никто не имеет права, но и прятать его тоже нельзя, – заметила Китлалполь и приказала Коаксок:

– Проводи меня к беглому рабу. Я хочу с ним переговорить.

– Лучше это сделаю я, – вынимая из-за пояса обсидиановый нож, сказал Олонтетль.

Старуха пошла впереди Китлалполь и Олонтетля, с опаской озираясь на нож, который жрец держал в руке. Пройдя по коридору и через четыре зала, они зашли в небольшую комнату,

где у дальней стены на циновке сидел юноша в набедренной повязке. У него были большие испуганные глаза и острый нос с горбинкой. Увидев Олонтетля с ножом в руке, беглый раб вздрогнул и, вскочив на ноги, отступил в угол комнаты.

– Не убивайте меня! Я зашёл в дом, спросив разрешения у этой доброй женщины, – кивнув на Коаксок, проговорил раб.

– Я не собираюсь тебя убивать. Просто я не знаю твоих намерений, – сказал Олонтетль.

– Мне надо скрыться от хозяина. Он недавно пообещал отдать меня в храм для жертвоприношения, – сказал раб.

– За какую же провинность, и в какой храм он собирался тебя отдать? – поинтересовался Олонтетль.

– Он считает, что я недостаточно усердно тружусь, а хотел отдать он меня в храм Тецкатлипоки.

– Какой ужас! – вырвалось у Китлалполь.

– Твой хозяин Эхекатль, а тебя самого зовут Мекатли? Это так? – спросил Олонтетль.

– Да, – проговорил раб и спросил:

– А какому Богу служишь ты, жрец?

– Почему ты решил, что я жрец?

– Ты одет, как жрец, и страшный обсидиановый нож у тебя точно такой же, как и у всех жрецов.

– Что ж, ты проникателен и, кажется, не опасен, – сказал Олонтетль, заткнув нож за пояс. – Так ты спрашивал, какому Богу я служу? Так вот, я служу в храме Кетцалькоатля.

Мекатли облегчённо вздохнул и едва заметно улыбнулся.

– Ты улыбаешься? – удивился Олонтетль.

– Улыбаюсь. Это очень хорошо, что ко мне пришёл именно ты, жрец Пернатого Змея, – сказал беглый раб. – Все в городе говорят, что в последнее время жрец храма Кетцалькоатля прекратил приносить человеческие жертвы и теперь сжигает только колибри и бабочек. А ведь я не бабочка и не колибри. Вот потому я и улыбаюсь.

– Разве ты не считаешь, что отдать своё сердце и кровь во имя одного из Богов ацтеков – это счастье? – пристально посмотрев на юношу, спросил Олонтетль.

– Я слишком люблю свою никчёмную жизнь. А ещё я очень боюсь боли и не переносу вида крови, – признался погрузневший Мекатли.

– Но ведь кровь необходима Богам для того, чтобы не погасло солнце, и луна не упала на землю. Разве ты не знаешь об этом? – прищурившись, спросил жрец.

– Да. Так рассказываете вы, жрецы, – сказал Мекатли.

– Слишком неуверенно ты это произносишь. Кажется, ты сомневаешься? Неужели ты не веришь в силу великих Богов? – сурово спросил Олонтетль.

– Я стараюсь верить, но я ещё порой и размышляю, – признался юноша.

– Вот как? И что же ты надумал, раб? – поинтересовался Олонтетль.

– Я полагаю, что солнце всходило и заходило ещё задолго до того, как люди стали приносить Богам кровавые жертвы. Другие народы, причём не только аколуга, подобные жертвы Богам не приносят. И, если бы не религия ацтеков, то человеческая кровь не стекала бы ручьями с жертвенных камней. И при этом солнце не погасло бы, и луна не упала бы на землю.

– Так ты полагаешь, что человеческие жертвы Богам не требуются? – нахмурившись, спросил жрец.

– Я полагаю, что Боги могли бы насладиться нектаром цветов или, в крайнем случае, дурманящим напитком пульке, Зачем им пить солёную кровь? – глядя в глаза жрецу, спросил юноша.

– Ты достаточно смел, если произносишь такие слова. Такое право есть только у вождей сильных народов, таких, как Несауальпилли из Тескоко. А ты, Мекатли, говорил, что боишься смерти и боли. Или ты просто глуп?

– Лучше считай меня глупцом, жрец. Хотя я и боюсь смерти, но иногда мне хочется поскорее уйти из этого жестокого мира. Мне уже невоготу оставаться в Миштлиалтепетле, – признался беглый раб.

– Откуда ты родом, Мекатли? – спросила Китлалполь.

– Моя мать была родом с далёкого юга. Она рассказывала мне, что их народ – семби населял красивые города на жарком побережье у большой солёной воды. Однако после того как на побережье во время страшного урагана обрушились огромные волны, города были разрушены, а большинство жителей погибли. Выжившие семби ушли на север, где и родилась моя мать. Потом на их небольшое поселение среди джунглей напали безжалостные воины, одетые в шкуры ягуара. Они перебили почти всех мужчин, вступивших с ними в схватку, а выживших в бою мужчин, а также женщин и детей увели в плен. Их привели в Миштлиалтепетль, где моя мать, будучи маленькой девочкой, впервые увидела жертвоприношения людей, которых перед смертью намазывали синей краской. Всех пленных мужчин из народа семби принесли в жертву Богам. Моей матери повезло – её оставили в живых. Она стала рабыней торговца тканями. Вскоре она приглянулась зажиточному земледельцу, который выкупил её из рабства и женился на ней. Моя мать родила несколько детей и последним – меня. Однако скоро настали неурожайные годы, и наступила нищета. Моим родителям пришлось продать в рабство всех моих старших братьев и сестёр. Их купил отец Эхекатля и тут же передал жрецам разных храмов для принесения в жертву кровожадным Богам. Тем самым он хотел заслужить милость Богов. Я вспоминаю, как моя мать часто рыдала по ночам, вспоминая своих детей. Когда я был маленький, мать часто рассказывала мне о своей прошлой жизни. Она-то и поведала мне о народе, который приносил в жертву Богам только маисовые лепёшки, мёд и цветы.

– Даже аколуга приносят в жертву собак, бабочек и колибри. Но они всё же живые существа, а не растения и не еда, – в задумчивости произнёс Олонтетль.

– Возможно, твоя мать всё это придумала, Мекатли? – спросила Китлалполь.

– Я верю ей больше, чем жрецам, – смело сказал Мекатли.

– Как же ты стал рабом? Тебя тоже продали в рабство родители? – поинтересовалась Китлалполь.

– Да. После смерти своего отца, Эхекатль купил меня. Я долго работал у него, разделяя собак. Однако в последнее время ему показалось, будто я недостаточно усерден в работе и Эхекатль стал угрожать, что передаст меня жрецам, и меня принесут в жертву во время очередного праздника.

– Что же стало с твоими родителями? – спросила Китлалполь.

– Они давно умерли, – сказал юноша.

– И что же с тобой теперь делать? – спросил Олонтетль. – Твоё присутствие в этом доме может навредить хозяевам.

– Не гоните меня! – жалобно попросил Мекатли.

– Проси хозяйку. Может она что-нибудь придумает, – сказал Олонтетль.

– Я мог бы служить тебе, добрая женщина, – обратившись к Китлалполь, сказал раб.

– У меня достаточно рабов, а про тебя рано или поздно узнает Эхекатль, даже если ты не станешь выходить из дома, – ответила Китлалполь.

– Тогда я мог бы служить тебе, жрец, – сказал раб Олонтетлю и попросил:

– Только, если это возможно, не поручай мне быть рядом с тобой, если ты снова займёшься человеческими жертвоприношениями.

– Нет. Как только Эхекатль узнает, что ты служишь в храме Кетцалькоатля, он тут же сообщит об этом Чимолли, а тот повелит мне самому вырвать у тебя сердце, – сказал Олонтетль.

Мекатли вздрогнул, затравленно посмотрел на жреца и спросил:

– Неужели нельзя меня спасти иным способом? Я слышал, что если я предстану перед взором правителя ацтеков, то, согласно обычаю, обрету свободу.

– Мой муж может попытаться провести Мекатли к самому правителю ацтеков, и беглый раб предстанет перед его взором, – предложила Китлалполь. – Правда, при этом, сам Мекатли не должен смотреть на Мотекусому. Ведь рабы и простолюдины не смеют лицезреть Солнцеликого правителя ацтеков.

– Я не уверен, что твой муж сможет провести во дворец Мотекусома беглого раба. И этот обычай, скорее, напоминает сказку. Я ни разу не встречал беглого раба, который побывал бы перед очами самого правителя ацтеков. Да и до Теночтитлана ещё надо добратся. А если сейчас начнётся война, Текалотлю будет не до этого раба, – заметил Олонтетль.

– Возможно, есть более простой способ помочь несчастному, – проговорила старая Коаксок, стоявшая позади жреца и хозяйки дома. – Выкупите его у Эхекатля.

– Эхекатль запросит большой выкуп, – покачал головой Олонтетль. – Мы встретили его недавно на улице, когда он гнался за Мекатли. Он разъярён и сделает всё, чтобы изловить беглеца и передать его в храм для жертвоприношения.

Послышались голоса. В дом вернулись рабы и слуги. Мекатли умоляюще взглянул на Китлалполь и попросил:

– Вели снять с меня ошейник, добрая женщина!

– Китлалполь, не надо никого просить. Я сам освобожу его, – с этими словами жрец приблизился к рабу и, вытащив нож, перерезал ошейник.

Олонтетль передал ошейник Коаксок и приказ ей:

– Спрячь ошейник и никому его не показывай.

Старуха бросила разрезанный ошейник под скамью и задвинула его подальше ногой.

– Странно. Я раньше тебя никогда не видел, Мекатли, – сказал Олонтетль.

– Это неудивительно. Хозяин редко позволял мне выходить на улицу. Я с утра до вечера занимался разделкой собак. Я весь пропах псиной, – жалобно произнёс Мекатли.

– Что ж, тебе надо помыться. Сейчас Коаксок разведёт огонь. Потом я велю принести таз с водой. Ты вымоешься, и тебе дадут чистую одежду, – пообещала Китлалполь.

– Как мне тебя благодарить, добрая хозяйка? Как твоё имя? – спросил беглый раб, ещё не до конца уверовав в свою удачу.

– Меня зовут Китлалполь.

– Так ты позволишь остаться в твоём доме? – спросил повеселевший раб.

– Не хочу тебя обнадёживать. Я постараюсь уговорить мужа оставить тебя здесь на некоторое время, а потом ты уйдёшь из нашего дома и, желательно, покинешь страну ацтеков, – сказала Китлалполь.

– Это будет нелегко сделать. Дорога из Миштлиалтепетля перекрыта воинами. Уйти из Заоблачного города можно только через горы. А путь по крутым склонам очень опасен, – вздохнул Мекатли.

– Не задумывайся о своём будущем. Пока тебе надо хорошенько вымыться, – посоветовал Олонтетль.

– Коаксок, позаботься о нём, – приказала Китлалполь.

– Слушаюсь, хозяйка! – склонила голову старая рабыня.

– Что ж, мне пора идти, – сказал жрец.

– Будь осторожен, Олонтетль, – попросила Китлалполь.

– Чего может опасаться жрец в своём родном городе? – улыбнувшись, произнёс Олонтетль.

Китлалполь было жаль расставаться со жрецом, который не был похож на остальных служителей кровавого культа ацтеков. Невероятная для жреца доброта и открытость казались Китлалполь сверхъестественными. Она подумала, что когда Кетцалькоатль возвратится в страну ацтеков, вначале он явится Олонтетлю.

Молодой жрец вышел из дома и быстрым шагом направился в сторону пирамиды Луны.

Китлалполь поднялась на верхний ярус своего дома, и вышла на открытую площадку. Она посмотрела на видневшийся вдалеке большой четырёхъярусный дом Чимолли – старшего жреца Заоблачного города. Сейчас там был её муж. В душе Китлалполь росла тревога. И тут она увидела, как два больших золотисто-оранжевых облака проплыли над зелёным склоном ближней горы и над краем города, а потом унеслись вдаль. Затем над густым лесом, подступавшим к городу с восточной стороны, зависла огромная оранжевая туча, которая под лучами солнца заискрилась бесчисленными золотистыми блёстками.

Сердце Китлалполь учащённо забилося – она увидела возвращение с севера прекрасных оранжевых бабочек! Их было так много, что они накрыли весь лес, который мгновенно превратился из зелёного в оранжево-золотистый. Бабочки уселись на ветви оямели. Издалека не было видно, но Китлалполь знала, как согнулись под тяжестью ветви деревьев, на которые опустилось бесчисленное множество нежных хрупких созданий. Оранжевые бабочки, словно искорки, сорвавшиеся с заходящего за горную гряду солнца, раскрасили мир великолепными красками золотисто-оранжевых тонов.

Когда Китлалполь была маленькой, то каждую осень с нетерпением ожидала прилёта огромных стай оранжевых бабочек. В такое время леса её родной Тласкалы становились оранжевыми.

Сейчас эти прекрасные бабочки напомнили Китлалполь о её беззаботном детстве, о родных, друзьях и о милой Тласкале. Китлалполь стало грустно. Зная о грядущей войне, она понимала, что теперь ей было нельзя надеяться на скорое возвращение на родную землю.

Глава 2. Бегство из Заоблачного города

Китлалполь долго стояла, заворожённо наблюдая, как на лес ложится золотисто-оранжевое покрывало, сотканное из трепещущих крылышек оранжевых бабочек. Она не заметила, как за горами скрылось солнце. Стало прохладно. Золотисто-оранжевый лес потускнел, и вскоре стал коричневым.

На чёрном небе зажглись сочные зелёные звёзды. Из-за гор выплыла зловещая кроваво-красная луна. По улицам Миштлиалтепетля загулял холодный ветер. В горах быстро менялась погода и после жаркого дня наступали холодные ночи. По всему тёмному городу стали вспыхивать огоньки – это горожане зажигали факелы и светильники. Рабы зажгли факелы во дворе и возле входа в дом Текалотля.

Ночью жизнь в городе не прекращалась. В это время многие свободные жители Миштлиалтепетля навещали друг друга в гости. Посетить вечером дом Текалотля считали за честь многие знатные жители Заоблачного города. Однако этим вечером никто не направлялся через площадь к их дому. Китлалполь догадывалась, что по городу уже прошёл слух о скорой войне с Тласкалой. Зная, что супруга наместника была родом из Тласкалы, к ним теперь перестанут захаживать гости. Китлалполь сейчас, как никогда ранее, переживала за своего мужа. Она лишь на время забылась, наблюдая за прилётом стай бабочек, а потом тревога снова охватила её.

Никогда ещё Миштлиалтепетль не был таким тихим, как этим вечером. Город словно вымер. Не было ничего слышно, кроме свиста ветра, разгуливавшего по улицам Заоблачного города. И тут Китлалполь услышала шаги и заметила на площади знакомую фигуру, освещённую лунным светом. К дому, покачиваясь, нетвёрдой походкой шёл её муж. Она ушла с открытой площадки, быстро спустилась на первый ярус и открыла дверь.

Зайдя в дом, Текалотль сразу обмяк и рухнул к ногам Китлалполь. Откуда-то появился одетый в чистую белую накидку Мекатли, который поднял хозяина дома с пола.

– Неси его в дальнюю комнату, – приказала Китлалполь, закрывая дверь на замок.

Юноша принёс наместника в комнату, которая освещалась закреплёнными на стенах двумя факелами, и бережно положил его на глиняную лежанку.

– Хозяйка, прикажи выставить охрану у входной двери, – посоветовал Мекатли.

– У нас никогда не было стражников. Чего нам бояться? – пожал плечами Китлалполь.

– Время сейчас беспокойное. Вот и с хозяином творится что-то неладное, – заметил Мекатли и предложил:

– Если ты не побоишься дать мне нож или другое оружие, я могу сам охранять всю ночь ваш дом.

– Хорошо, Мекатли. Я велю выдать тебе нож, – согласилась Китлалполь.

Мекатли, взглянул на Текалотля и, покачав головой, удалился. Китлалполь склонилась над мужем, который прерывисто дышал.

– Что с тобой случилось? Почему тебя никто не проводил до дома? – сокрушённо покачав головой, спросила Китлалполь.

Текалотль застонал и прошептал пересохшими губами:

– Дай воды, милая!

Китлалполь встрепенулась и быстро принесла наполненную водой кружку. Текалотль приподнял голову и жадными глотками выпил всю воду.

– Ты думаешь, я напился пультке? – спросил Текалотль.

– Я хочу знать, что ты ел и пил в доме Чимолли, – сказала Китлалполь.

– То же самое, что и все остальные.

– Тебе там не надо было ни есть, ни пить.

– Думаешь, меня отравили? – прошептал Текалотль.

– Надеюсь, что это не так. Я позову Коаксок. Может, она тебе сможет помочь, – решила Китлалполь.

Она хлопнула в ладоши и в дверях показалась стройная высокая девушка с большими выразительными глазами. Это была молодая рабыня Оцетлана.

– Срочно вели подойти сюда Коаксок, а потом выдай нож, новую серую тунику и пояс нашему новому слуге, которого зовут Мекатли, – приказала Китлалполь.

– Слушаюсь, хозяйка, – сказала девушка.

Вскоре в комнату вошла старая рабыня. Она посмотрела на хрипевшего Текалотля и сразу всё поняла.

– Ему нужно противоядие. У меня есть смесь сока агавы, пульке, орлиного помёта и сушёных муравьёв. В эту смесь я добавила некоторые травы. Хозяину следует это выпить, – сказала старуха.

– Неси скорее своё зелье, если ты уверена, что это ему поможет, – приказала Китлалполь.

– Должно помочь. Хотя, всё зависит от того, каким ядом его отравили.

– Считаешь, что его отравили?

– Ты ведь тоже так думаешь, хозяйка.

– Поспешите же, Коаксок! – попросила Китлалполь. – Видишь, как ему плохо!

Текалотль захрипел, и из его рта вытекла белая пена.

Коаксок поспешно вышла и вскоре вернулась, неся в руке полную кружку напитка, от которого исходил терпкий неприятный запах. Китлалполь приподняла голову мужу, Текалотль выпил лечебную смесь и тут же заснул.

Уставшая Китлалполь улеглась на расстеленном Коаксок на полу покрывале, рядом со спящим мужем. Она не заметила, как провалилась в глубокий сон.

Китлалполь разбудили проникшие в окошко солнечные лучи и неразборчивые крики, доносившиеся с улицы. Люди на площади кричали так громко, что их голоса проникали во внутренний двор и в окно. Китлалполь встала и посмотрела на мужа, заворочавшегося на лежанке.

– Что со мной случилось вчера? – потирая кулаками глаза, спросил Текалотль.

– Я думала, это ты мне расскажешь, что произошло вчера в доме Чимолли, и почему ты вернулся в таком ужасном состоянии. Если бы я не знала тебя, то решила, что ты перебрал пульке. Ты вчера себя плохо чувствовал, однако тебя никто не удосужился проводить до дома.

– Мне показалось, что меня чем-то накормили у Чимолли.

– Если бы не зелье, которое приготовила Коаксок, ты бы мог умереть. Тебе не следовало ни есть, ни пить во дворце старшего жреца Заоблачного города.

– Ты права. Вчера я стал спорить с Чимолли и тремя остальными жрецами, которые рьяно поддерживают войну с Тласкалой. Я собирался, как можно скорее, отправиться в Теночтитлан, чтобы встретиться с Мотекусомой. Я хотел отговорить его от развязывания войны с Тласкалой.

– Спасибо тебе, Текалотль! – поблагодарила Китлалполь. – Я знаю, ведь ты из-за меня собирался это сделать.

Текалотль улыбнулся и попытался приподняться на локтях, чтобы выглянуть в окно, однако тут же снова опустился на лежанку.

– Я ещё слишком слаб. Ты не слышишь, о чём кричат люди, собравшиеся возле нашего дома? – поинтересовался Текалотль.

– Я не могу понять, – пожав плечами, ответила Китлалполь.

– Хозяйка, толпа на площади ликует, – послышался голос Мекатли, который зашёл в комнату.

– Мекатли, тыходишь безспроса. Как ты смеешь! – с негодованием произнесла Китлалполь.

– Прости, хозяйка, но я хотел сказать, что в Заоблачном городе тебе не следует оставаться, – сказал Мекатли, который уже успел облачиться в тунику и заткнуть за пояс нож.

– Кто это такой? – прохрипел Текалотль, взглянув на Мекатли. – Откуда он взялся?

– Это беглый раб. Его зовут Мекатли, – пояснила Китлалполь.

– Только беглого раба нам сейчас не хватало! – проворчал Текалотль.

– Ему требуется твоя помощь, Текалотль, – сказала Китлалполь.

– Милая, нам с тобой сейчас самим нужна помощь, – проговорил Текалотль.

– Это верно. Вам нужна помощь едва ли не больше, чем мне. Хотя и мне тоже требуется помощь и защита, – сказал Мекатли.

– Какой разговорчивый раб пробрался в наш дом, – произнёс Текалотль и едва заметно улыбнулся.

– Я вышел на открытую площадку, с которой хорошо видна площадь перед вашим домом. На ней собралось много людей. Они рады начинающейся войне с Тласкалой, о которой объявил гонец, примчавшийся под утро в Миштлиалтепетль из Теночтитлана. Причём, к своему ужасу, в толпе я заметил Эхекатля, – рассказал Мекатли, причём, упомянув имя своего хозяина, он от страха вытаращил глаза.

– Отчего имя Эхекатля вызывает у тебя ужас? – удивился Текалотль.

– Я его не боюсь! – хвастливо заявил Мекатли.

– Не обманывай меня! Я вижу ужас в твоих глазах, – сказал Текалотль.

– Эхекатль – мой хозяин, торговец собачьим мясом. Вернее, мой бывший хозяин.

– Думаю, Эхекатль собирается вскоре накормить людей не только собачьим мясом, но и человечинной, – сказал Текалотль.

Мекатли посмотрел на своего хозяина дома с удивлением и страхом.

– Не удивляйся. Я имею в виду, именно тебя, Мекатли. Твоим мясом Эхекатль накормит жителей Миштлиалтепетля. Как только он тебя поймает, он разделает тебя и продаст твоё мясо под видом собачатины, – сказал Текалотль.

Мекатли ещё больше вытаращил глаза, но потом сумел найти в себе силы пересилить ужас, который поначалу вызвали у него слова Текалотля, и проговорил:

– Моё мясо не годится для еды. Для этой цели лучше сгодится мясо смелых воинов из числа врагов ацтеков, а я, всего-навсего, простой несчастный раб. Я всю жизнь плохо питался и провонял псиной, потому что теперь разделяю собак.

– Ты не простой, а беглый раб! Кстати, своим присутствием ты усложняешь нам с Китлалполь жизнь. Ты это понимаешь? – спросил хозяин.

– Понимаю. Однако я единственный из вашей челяди, кто смело вам скажет, что вам следует, как можно быстрее, уходить из города. Не знаю из-за чего, но проклятый Эхекатль только что выкрикнул, что тласкальтекам не место в Миштлиалтепетле. При этом он упомянул твоё имя, Китлалполь, – рассказал Мекатли.

– Наверно, кто-то выдал тебя, раб, и твой хозяин проведал, что ты укрылся в нашем доме. Иначе с чего Эхекатль стал бы упоминать имя Китлалполь? – сердито произнёс Текалотль.

– Я объясню, почему Эхекатль решил выкрикивать моё имя. Мы с Олонтетлем, когда он провожал меня до дома, имели несчастье встретиться с этим торговцем собачьим мясом. Мы не стали помогать ему в поимке беглого раба, и он мне этого не простил, – рассказала Китлалполь.

– Думаю, Эхекатль не простит заступничество не только тебе, добрая женщина, но и жрецу, который вчера со мной беседовал, – в задумчивости проговорил Мекатли. – У этого негодяя Эхекатля длинный язык. К тому же, он очень злопамятный. Он не успокоится, пока не отомстит всем, кто хоть немного его задел или обидел.

– Олонтетля надо предупредить о грозящей ему опасности, – сказала Китлалполь.

Крики в толпе, собравшейся на площади, усилились.

– В какое исступление пришла толпа, узнав об объявленной войне! – сокрушённо покачав головой, заметил Текалотль.

– Видно, гонец сумел завести толпу этим известием, – решила Китлалполь.

– Похоже, толпу более раззадорил не гонец, а Эхекатль, – предположил Мекатли.

Тут раздался грохот. В комнату вбежала перепуганная Оцетлана.

– Толпа ломится в дом. Люди выкрикивают ругательства в твой адрес, хозяйка. Они сейчас выломают входную дверь! – заволновалась рабыня. – Вам надо бежать!

– Куда же мы убежим? Текалотль слишком слаб, – растерялась Китлалполь.

– Мне надо выйти к людям и поговорить с ними, – слабым голосом произнёс Текалотль.

– Ты предлагаешь выйти к разъярённой толпе? Но это безумие! Тебя растерзают! – воскликнула Китлалполь.

– Что ж, тогда мы поступим иначе. Ты знаешь, что в доме есть потайной вход в подземный тоннель, который ведёт за пределы города, – сказал Текалотль. – Оставь меня и поспеши покинуть Миштлиалтепетль.

– Я без тебя никуда не пойду, – твёрдо произнесла Китлалполь.

– Я ещё очень слаб. Не переживай, со мной ничего плохого не случится. Они не посмеют меня тронуть. Ведь я наместник правителя, – уверил жену Текалотль.

– С тобой уже едва не случилась беда. Неужели ты полагаешь, что ты так дорог Мотекусоме? Вспомни как выбранный народом Атототзин – бывший правитель Миштлиалтепетля, неожиданно умер в расцвете сил. Его отравили, и, как рассказывают, это сделали по приказу правителя ацтеков из-за того, что он не собирался признавать полные права Мотекусомы на Заоблачный город. И тебя вполне может ожидать печальная участь Атототзина.

– Но ведь Атототзин не был родственником Мотекусомы, – возразил Текалотль. – Если Чимолли и решил меня на самом деле отравить, то не думаю, что ему на это дал добро Мотекусома.

– Не будь наивным, Текалотль! – сказала Китлалполь.

– Что нам делать? – спросила перепуганная Оцетлана.

– Надо бежать. Мекатли, подними Текалотля и следуй за мной! – приказала Китлалполь. Мекатли взял Текалотля на руки и вышел в коридор.

– Оцетлана, идём с нами! – позвала Китлалполь юную рабыню.

В коридоре они встретили старую Коаксок.

– Прощай, Коаксок! – сказала Китлалполь.

– Вы уходите? – грустно спросила старуха и заплакала.

– Почему ты плачешь? – спросила Китлалполь.

– Я чувствую, что больше вас никогда не увижу, – сказала старая рабыня.

– Закончится война, и мы возвратимся, – пообещала Китлалполь.

– Ацтеки никогда не прекратят воевать. Правителям и жрецам требуется держать в страхе свой народ. Для этого им всегда нужны будут всё новые жертвы и новые враги, – грустно проговорила старая рабыня.

– Старуха права, – заметил Мекатли. – Правителям и жрецам нужны жертвы и войны, чтобы сеять среди людей страх. Жрецам выгодно держать в повиновении свой народ и устрашать соседей.

Разбуженные криками толпы, рабы вышли в освещённый факелами коридор и выстроились вдоль стен, молча глядя на Китлалполь, Оцетлану и нового юного слугу, который нёс на руках Текалотля.

Китлалполь сняла со стены горящий факел и, пройдя через несколько комнат, зашла в кладовую, в которой хранилась одежда. Оцетлана и Мекатли последовали за хозяйкой. Китлалполь велела Оцетлане сдвинуть в сторону одежду, висевшую на вбитых в стену крючках, а

сама приоткрыла едва заметную встроенную в стену дверь и стала спускаться в подземелье по глиняным ступеням. Оцетлана последовала за хозяйкой и, обернувшись, поторопила юношу:

– Иди быстрее, Мекатли!

– Ты тоже теперь будешь мне приказывать? – недовольно проворчал Мекатли. – Что же такое получается? То мной командовал торговец мясом, а теперь меня погоняет молодая рабыня!

– Делай, что тебе велели, Мекатли! Иначе тебе тоже будет плохо, – предупредила Китлалполь.

– Нас наверняка догонят. Ведь я несу на руках хозяина, а поэтому не могу идти быстро, – заволновался Мекатли.

– Поторопись, Мекатли и поменьше разговаривай! – приказала Китлалполь.

Неся на руках Текалотля, Мекатли вступил в тоннель, стены и свод которого были выложены камнями.

Тем временем, Коаксок зашла в кладовую, прикрыла за беглецами дверь и завесила потайную дверь одеждой.

– Как тут темно! До меня почти не доходит свет от твоего факела, Китлалполь. А ещё здесь холодно и сыро. Я сейчас поскользнусь и упаду вместе с хозяином, – причитал Мекатли.

– Не жалуйся и не серди меня! – обернувшись, потребовала Китлалполь.

– Но ведь я говорю правду. В этом тоннеле холодно, промозгло и скользко. Вот же не повезло мне! – тяжело вздыхал Мекатли.

– Оставался бы ты лучше у своего хозяина – Эхекатля! – всерьёз разозлилась Китлалполь.

– Несомненно, я доставил тебе и твоему мужу большие неудобства. Но ведь сейчас я вам помогаю. Хотя мне очень тяжело нести Текалотля по такому тёмному подземному ходу, но я мужественно переношу все невзгоды. Однако, как же здесь темно, холодно и сыро! А ведь за нами может быть погоня, – сказал Мекатли и стал стучать зубами не то от холода, не то от страха.

– Терпи, раб! Теперь я догадываюсь, из-за чего на тебя злился твой хозяин. Ты бездельник и нытик, – сказала Китлалполь.

– Теперь я не раб, а, скорее, слуга. Отныне я свободный человек, – вяло попытался отстоять свою честь Мекатли.

– В душе ты всё ещё раб. Ты всё такой же трусливый раб, каким был раньше, – сказала Китлалполь.

Мекатли проглотил обиду и, решив, что сейчас не время рассуждать о своём месте в обществе, спросил:

– А нас могут настигнуть преследователи?

Китлалполь остановилась, прижалась к стене, и пропустила вперёд Оцетлану и Мекатли, который нёс на руках Текалотля.

– Хозяйка, ты устала? – спросил Мекатли.

Китлалполь не ответила ему. Она осветила факелом свод. Заметив выступающий камень, взялась за него и, расшатав, выдернула из каменной кладки, отбросила в сторону и быстро догнала Мекатли. Вскоре за спиной Китлалполь послышался грохот обвала.

– Теперь преследователи не преодолют этот завал. Но, всё равно, надо идти быстро, чтобы они не сообразили и не стали искать нас в окрестностях Миштлиалтепетля, – сказала Китлалполь.

– Я стараюсь идти быстро, как могу, хотя изнемогаю от усталости. Сейчас у меня отвалятся руки. Или я устал, или хозяин стал очень тяжёлым, – пожаловался Мекатли.

– Поставь меня на ноги. Я смогу идти сам. Мне стало лучше, – проговорил Текалотль.

– Попробуй, хозяин. Пожалуй, так мы быстрее выберемся отсюда, – обрадовался Мекатли, помогая Текалотлю встать на ноги.

Опираясь рукой на стену, Текалотль сделал несколько шагов. Сначала он покачивался при ходьбе, но вскоре пошёл увереннее. Шедшая теперь впереди Оцетлана остановилась возле узкой расщелины, в которую проникал дневной свет.

Затем юная рабыня отошла в сторону, и в расщелину, по очереди заглянули Текалотль и Мекатли.

– Там огромный круглый колодец с отвесными стенами. На его дне лежит множество скелетов и черепов. От места, где мы с вами находимся до дна колодца – высота с одноярусный дом, а верхний край колодца едва виден отсюда, – прошептал потрясённый Мекатли.

Китлалполь подошла к расщелине и стала рассматривать большой колодец, на дне которого валялись человеческие кости и черепа, оружие, полуистлевшие одежда и сандалии, а также множество дорогих изделий – золотые колечки и нефритовые статуэтки.

– Это сенот – глубокий колодец. Чего ты так испугался, Мекатли? – спросила Китлалполь. – В него сбрасывают тела убитых девушек и детей. Наверняка все не раз видели, как это происходит.

– Конечно, я знаю, что во время засухи здесь приносятся жертвы богу Тлалоку. Но ведь жрецы убеждают людей, что девственницы и дети, сброшенные вглубь бездонного колодца, не погибают, а начинают жить в ином мире, – сказал Мекатли.

– Какой же ты наивный! – удивилась Китлалполь. – Ведь ты недавно так умно рассуждал о правителях и жрецах, которые используют кровавых Богов, чтобы держать в повиновении людей. И вдруг ты говоришь такие глупости! Если сверху не видно дна сенота, это не значит, что дна нет. Жертвы со связанными руками уходят под воду и тонут или же разбиваются о дно, когда сенот пересыхает. Всегда слышны крики, когда разбиваются люди. Странно, что ты, Мекатли, этого не знал.

– Это верно, – подтвердил Текалотль слова супруги. – Жертвы разбиваются, падая с огромной высоты на дно высохшего сенота. Ведь обычно девушек и детей сбрасывают в колодец в засушливый сезон. В сеноте вообще не бывает много воды. Вода редко достигает уровня этой расщелины. Лишь изредка вода проникает в подземный ход.

– Нам нельзя задерживаться, – напомнила Китлалполь.

Они двинулись дальше. Вскоре впереди показалось большое светлое пятно.

– Здесь выход, – сказал Текалотль, пробираясь сквозь заросли лиан и ветви кустарников. Судя по его тяжёлому дыханию, наместник был ещё не здоров.

Китлалполь вышла на поверхность последней. Она бросила на землю угасающий факел и осмотрелась. Они оказались в густом лесу. Выход из подземелья был надёжно сокрыт от посторонних глаз густым кустарником и лианами. Ветви стоявших вокруг деревьев склонились под тяжестью облепивших их золотисто-оранжевых бабочек.

– Что ж, будем надеяться, что нас здесь не найдут, – сказала Китлалполь.

– Куда мы попали? – поинтересовался Мекатли.

– Мы находимся на склоне горы, относительно недалеко от Заоблачного города. Неподалёку отсюда проходит дорога на Теночтитлан, – поведал Текалотль. – Нам надо идти в столицу и там просить защиты у Мотекусомы, который всегда благоволил ко мне. Я думаю, иного пути у нас нет.

– Может, попытаемся добраться до Тласкалы? – предложила Китлалполь.

– Неужели ты думаешь, что Тласкала устоит под натиском ацтеков? К сожалению, теперь твоя родная земля – это не самое надёжное убежище. Да и пробраться туда сейчас будет сложно. Наверняка отряды ацтеков бдительно стерегут границу с Тласкалой, – предположил Текалотль.

– Думаю, что все дороги, в том числе и дорогу между Заоблачным городом и Теночтитланом, тоже стерегут воины, – заметила Китлалполь.

– Что ж, тогда в столицу нам придётся идти лесом, – сказал Текалотль. – Я поведу вас.

Беглецы из Заоблачного города направились в Теночтитлан. Они шли под кронами деревьев, ветви которых низко склонились под тяжестью впавших в спячку бабочек, пробирались через заросли колючих кустарников и перелезали через поваленные стволы. Однажды беглецы приблизились к дороге. Они слышали неподалёку шаги и голоса людей. Укрывшись за густыми ветвями кустарника, они стали наблюдать за дорогой. Вскоре из-за поворота показался большой отряд воинов-орлов, вооружённых макуавитлями – деревянными мечами со вставными обсидиановыми клинками, имеющими остро заточенные лезвия. Беглецы проводили взглядами направлявшихся в сторону Теночтитлана воинов.

– Мы едва не попали в руки воинов-орлов. Нам следует удалиться от дороги, – сказал Текалотль.

– Почему мы так страшимся воинов? – недоумевал Мекатли. – Ведь нам следует опасаться простых людей, которые бушевали перед твоим домом, наместник. По крайней мере, вполне можно идти по дороге, пока она свободна. А при появлении путников, мы можем снова скрыться в лесу и переждать, пока они пройдут. По дороге шагать легче и быстрее. А то я несколько раз едва не сломал ногу, споткнувшись о корни и о стволы гниющих деревьев.

– Сейчас нам следует опасаться всех. Мы не знаем, как расценили наше бегство жрецы Заоблачного города. Возможно, Чимолли уже снарядил за нами погоню. И наверняка, отряд преследователей состоит из воинов, а не из рыночных торговцев и ремесленников, – предположил Текалотль.

– Не думаю, наместник, что твоё решение следовать в столицу, разумное, – сказал Мекатли.

– Хуже всего, если старший жрец Мишттлиалтепетля раньше тебя, Текалотль, предстанет перед верховным жрецом и правителем ацтеков, – сказала Китлалполь. – Впрочем, будем надеяться, что Чимолли медленно понесут в паланкине рабы.

– Я почти уверен, что Мотекусома скоро узнает от Чимолли о нашем побеге из Заоблачного города и том, что я пытался ограничить в Мишттлиалтепетле человеческие жертвоприношения. Для этого старшему жрецу не надо самому следовать в Теночтитлан. Скорее всего, к правителю ацтеков он направит гонца. Это плохо для нас. Правда, не стоит забывать, что старший жрец Мишттлиалтепетля ещё не верховный жрец ацтеков. Решение по всем вопросам принимает Мотекусома, а он обычно решает судьбы знатных людей, лично выслушав человека. Я должен сам переговорить с правителем, – решил Текалотль.

Незаметно ступились сумерки, а вскоре лес погрузился во тьму. Беглецам из Заоблачного города пришлось заночевать в чаще на голой земле. Мекатли и Оцетлана спали плохо, часто просыпаясь и прислушиваясь к звукам ночного леса – пронзительным крикам ночных птиц и рычанию ягуаров. Китлалполь тоже спала чутко. Под утро она проснулась, услышав поблизости грозное рычание ягуара. Однако зверь так и не рискнул напасть на людей. Всю ночь крепко спал лишь неважно себя чувствовавший Текалотль.

Утром беглецы пошли дальше. Труднопроходимая чаща, в которой ветви деревьев были усеяны оранжевыми бабочками, закончилась. Теперь путники продвигались по редколесью. Однажды они заметили сидевшую на ветке красногрудую птицу с синевато-зелёным, отливающим золотом, оперением и длинным раздвоенным хвостом, который снизу был белым, а сверху – бирюзовым. Это была самая красивая птица местных лесов – кетцаль. Долго любоваться самцом-кетцалем не довелось. Заметив людей, роскошная птица сорвалась с ветки и скрылась среди зелёных ветвей деревьев.

К полудню путники вышли из леса и остановились. Внизу, в долине, лежало озеро Тескоко, в западной части которого, на большом острове, раскинулась столица ацтеков Теночтитлан.

Невозможно было не восторгаться величественной красотой этого города. Его высокие пирамиды, ярко раскрашенные храмы, широкие каналы, по которым сновали лодки, мощные дамбы, красивые мосты, пышные сады, огромный рынок и дворец верховного жреца и правителя ацтеков Мотекусомы поражали воображение. Теночтитлан был застроен почти так же, как и Миштлиалтепетль. В столице ацтеков, как и Заоблачном городе, были пирамиды Луны и Солнца, а также много относительно невысоких пирамид с храмами на верхних площадках, большой рынок и дворцы знати. Правда, размеры этих городов были несопоставимы. Заоблачный город на горном плато был намного меньше главного города ацтеков. А ещё, в Миштлиалтепетле не было множества каналов, роскошных садов и такого величественного сооружения, как дворец правителя ацтеков.

– Мы почти пришли, – сказал Текалотль.

– Честно говоря, мне совершенно не хочется спускаться в долину. Может, вы обойдётесь в столице ацтеков без меня? – спросил Мекатли.

– Неужели ты хочешь уйти, бросив хозяина, которому всё ещё нездоровится и двух женщин? – спросила Оцетлана, с укором взглянув на Мекатли.

– Но это твой хозяин, – кивнул Мекатли на Текалотля, – а не мой.

– Как ты можешь так говорить, презренный?! – пристыдила беглого раба Оцетлана. – Ведь мои хозяева тебя приютили и спасли!

Мекатли задумался, а затем махнул рукой и сказал:

– Ладно, я пойду с вами в Теночтитлан. Вот только я слышал, что возле Теночтитлана водится много ядовитых змей.

– Как же ты труслив, Мекатли! – усмехнулась Оцетлана.

– Можете не переживать. Змей в окрестностях Теночтитлана не больше, чем кетцалей в лесу возле Заоблачного города, а кетцаль – довольно редкая птица, – успокоил раба Текалотль.

– А мы с хозяйкой не переживаем. Лишь Мекатли боится змей! – сказала Оцетлана и направилась вниз по крутому склону.

Китлалполь и Текалотль последовали за ней. Пристыженный Мекатли немного постоял, а потом, нехотя, тоже стал спускаться.

Путники приблизились к большому озеру Тескоко. Теночтитлан, расположенный на острове, плохо просматривался из-за плотных зарослей высокого тростника, росшего в воде возле пустынного берега. В город можно было попасть по насыпным дорогам, которые подходили к столице ацтеков вдалеке от места, где вышли из леса беглецы. Они решили не рисковать и не идти по дороге к городским воротам. Обнаружив свободное от тростника место, беглецы увидели покачивавшуюся на невысоких волнах большую лодку, в которой сидели два рыбака. Текалотль помахал им рукой. Рыбаки заметили стоявших на берегу людей и подплыли к ним. Текалотль быстро договорился с рыбаками, и те пообещали доставить их в Теночтитлан. Правда, за это Китлалполь пришлось отдать золотой браслет, украшенный рубинами и изумрудами, который она сняла с правой руки.

Рыбаки доставили жителей Заоблачного города на окраину Теночтитлана и высадили их возле большого городского сада. Гости столицы пересекли сад, в котором кроме деревьев, росли кактусы и яркие цветы, которые радовали глаз даже осенью. Затем они вышли на одну из улиц столицы и растворились в толпе местных жителей.

– Теперь нам надо попасть во дворец Мотекусомы, – сказал Текалотль.

– Ты проведёшь и меня во дворец? – с надеждой спросил Мекатли.

– Ты веришь в то, что предстанешь перед правителем ацтеков, ты станешь свободным? – поинтересовался Текалотль.

– А разве это не так? – удивился Мекатли.

– Олонтетль уже говорил тебе, что такой способ освобождения из рабства больше похож на сказку, – напомнила Китлалполь.

– Хорошо, Мекатли, если ты так хочешь, я проведу тебя во дворец Мотекусомы, – пообещал Текалотль.

– А это будет безопасно для меня? – заволновался Мекатли.

– Вижу, теперь ты тоже засомневался. То ты желаешь попасть во дворец правителя, то начинаешь бояться, – усмехнулся Текалотль.

– Ты слишком труслив, Мекатли, – сказала Оцетлана. – Иногда даже не верится, что ты нашёл в себе смелость удрасть от хозяина. А ведь, если тебя поймают, тебя могут сильно поколотить палками.

– Или того хуже – сразу принесут в жертву. Сейчас, пока ещё не начались сражения с тласкальтеками и в страну ацтеков ещё не привели много пленных, жертв не хватает, – добавил Текалотль. – Или же, как я уже тебе говорил, твой хозяин велит содрать с тебя кожу и разделить тебя на части, а затем продаст твоё мясо, выдав его за собачатину.

После этих слов Мекатли побледнел и остановился.

– Что же ты встал? Пошли дальше, – позвал его Текалотль.

– Я не могу дальше идти. У меня дрожат ноги, – признался Мекатли.

– Мы тебя так напугали? – глядя на застывшего Мекатли, улыбнулась Оцетлана.

– Не только вы напугали меня. Я сейчас услышал шум толпы и вспомнил рынок в Заоблачном городе, – проговорил Мекатли.

– И ты тут же вспомнил о своём побеге, смельчак? – спросил Текалотль.

– Кажется, это был твой самый мужественный поступок за всю твою жизнь, – с презрением поджав губы, сказала Оцетлана.

– Пойдёмте! Нельзя терять время, – позвала спутников Китлалполь.

– Только пойдёмте в стороне от рынка, а то мне кажется, что там есть торговцы собачьим мясом, – попросил Мекатли.

– А может, твой хозяин привёз собачье мясо в Теночтитлан и сейчас торгует им, а заодно высматривает тебя. Ты этого боишься? – догадалась Китлалполь.

– И этого я тоже боюсь, – признался Мекатли. – Я сам не пойму, что со мной происходит. Раньше я не был таким пугливым.

– Это всё из-за того, что ты оказался на свободе, – пояснил Текалотль. – Многие рабы боятся свободы больше смерти.

– Пойдём дальше, трусливый смельчак Мекатли! – позвала Оцетлана.

Вскоре они вышли на вымощенную камнями набережную одного из каналов, по которому сновали лодки. С них рыбаки забрасывали в воду сети. Посреди канала, как и на самом озере, было много плавучих огородов, которые были устроены на брёвнах, засыпанных слоями ила и водорослей. На этих огородах на плодородной земле в изобилии произрастали бобы, маис и источающие ароматы цветы и пряности. Посреди некоторых плавучих огородов стояли маленькие домики. Через широкий канал были переброшены каменные и деревянные мосты.

Чем ближе подходили беглецы из Заоблачного города к центру столицы, тем меньше становилось одетых в серые грубые ткани простолюдинов, и всё чаще им встречались знатные ацтеки, облачённые в одежды с красивым ярким орнаментом. Проследовав по набережной центрального канала, путники вышли на просторную площадь, на которой возвышалась высокая усечённая пирамида Солнца с двумя величественным храмами на вершине. На красных стенах храма Бога войны Уицилопочтли были изображены белые черепа, а крыша этого сооружения была украшена изображениями золотистых бабочек. Напротив храма Уицилопочтли стоял

храм Бога дождя Тлалока со стенами, разрисованными волнистыми сине-белыми полосами и крышей, разрисованной белыми раковинами. Над обоими храмами реяли знамёна из перьев кетцалей. Между святилищами, на каменном алтаре, полыхало пламя. К верхней площадке пирамиды, с четырёх сторон, подходили высокие лестницы с крутыми ступенями. Пирамида была окружена статуями большеголовых драконов с разверстыми пастьями.

Пирамида Солнца и храмы в Теночтитлане были похожи на аналогичные сооружения в Миштлиалтепетле, только пирамида в столице страны ацтеков была в три раза выше пирамиды Солнца в Заоблачном городе.

Чуть в стороне от самой высокой пирамиды возвышалась пирамида Луны. Вдалеке, в разных частях города, виднелись другие пирамиды с храмами на их вершинах, которые были посвящены другим Богам ацтеков. Все святилища на пирамидах были разукрашены в яркие цвета.

Справа от пирамиды Солнца стояли красивые дома знатных вельмож, а слева, за высокими белыми стенами, украшенными висячими садами и барельефами, виднелся огромный многоярусный роскошный дворец верховного жреца и правителя ацтеков Мотекусомы.

Китлалполь вместе с мужем не раз бывала во дворце правителя ацтеков и знала его план. В центре дворца располагался тронный зал вождя теночков – народа, населявшего Теночтитлан и другие вассальные города, среди которых был и Миштлиалтепетль. Вождь теночков Мотекусомы одновременно был властителем всей страны ацтеков. Рядом с великолепным тронным залом находились просторные, богато украшенные комнаты, в которых проживали правитель народа аколуга из города Тескокоалтапетль, и властитель тепанеков из города Тлакопана, когда эти вожди-союзники посещали Теночтитлан. Неподдалёку от дворца правителя, в красивых зданиях, жили его многочисленные жёны, наложницы и дети. Среди этих зданий располагались гостевые дворцы.

На дворцовой территории также располагался большой зверинец, в котором обитали ягуары, крокодилы, змеи и различные птицы. Каких только птиц там не было! Лишь самая красивая птица кетцаль не жила в зверинце. Эта прекрасная благородная птица погибала в неволе.

Китлалполь знала, что правители Теночтитлана, Тескокоалтепетля и Тлакопана заключили объединивший ацтеков Тройственный союз, который возглавил Мотекусомы. Несауальпилли – правитель Тескокоалтапетля и Тотокиуацин – властитель Тлакопана не стремились к ведущей роли в Тройственном союзе, зная о суровом нраве верховного жреца и вождя ацтеков Мотекусомы и о его жажде власти.

Беглецы из Заоблачного города так залюбовались красотами главного города ацтеков, что не заметили, как, мимо них, через площадь, повалила толпа, состоявшая из простых людей и вельмож. Послышались гулкие звуки. По площади прошестьвовали музыканты, дудевшие в большие морские раковины.

– Куда все идут? – спросил Мекатли.

– Жители Теночтитлана направляются на стадион, который находится за пирамидой Солнца. Я слышу, как прохожие обсуждают предстоящую игру. Скоро начнётся игра в мяч – тлачтли, – определил Текалотль.

– Известно, что на стадион часто приходят знатные жители Теночтитлана и даже сам правитель ацтеков, – вспомнила Китлалполь.

– Тлачтли – захватывающая игра. Нам следует её посмотреть. Сидя на трибунах, мы отдохнём, а заодно поволнуемся за игроков, – сказал Текалотль.

– За кого же ты собираешься сегодня поволноваться? – спросила Китлалполь.

Текалотль спросил проходившего мимо них юношу:

– Кто сегодня состязается в тлачтли?

– Лучшие игроки Теночтитлана выйдут против сборной команды Тескоко, – ответил прохожий.

– Отлично! – воскликнул Текалотль. – На такой игре обязательно будет присутствовать Мотекусوما. Вряд ли у меня может появиться лучшая возможность встретиться с правителем ацтеков. Мне обязательно надо побывать на игре. Но я не могу оставить вас в чужом городе. Так что на игру пойдём все вместе.

– Вот только хватит ли для нас места на трибунах? – засомневался Мекатли. – Смотрите, сколько людей решили посмотреть игру.

– В Теночтитлане большой стадион. Места хватит на всех, – уверил Текалотль.

– Наверно, игра в тлачли – дорогое удовольствие, – заметил Мекатоли.

– Я заплачу за вход на стадион, – пообещал Текалотль.

Глава 3. Игра

– Вообще-то, мне не нравится эта игра, – заявила Китлалполь.

– Почему? Ты мне никогда об этом не говорила, – удивился Текалотль.

– После игры капитана победившей команды в Теночтитлане приносят в жертву Богу Уицилопочтли. Тлачтли плохая игра. Хорошо, что в Заоблачном городе нет стадионов.

– Но ведь жертвоприношение совершается не тут же на игровом поле после игры, а на пирамиде Солнца. Нам совсем не обязательно наблюдать за этим действием.

– Всё равно, мне не хочется идти на игру, – заупрямилась Китлалполь.

– Неужели нельзя просто смотреть и наслаждаться игрой, не размышляя о том, что случится после её окончания? – пожал плечами Текалотль. – Я должен пойти на игру. Там я встречу Мотекусому и смогу с ним переговорить. К тому же, я не собираюсь оставлять тебя и наших спутников ни на мгновение. Поэтому тебе придётся пойти со мной на стадион, – сказал Текалотль.

– Надо подумать, – нахмурившись, сказала Китлалполь.

– Да что думать! – воскликнул Мекатли. – Если бы мне когда-нибудь раньше предложили, хоть краешком глаза взглянуть на игру, я был бы счастлив!

– Мекатли, мы все пойдём сегодня на стадион. Думаю, Китлалполь тоже согласится, – сказал Текалотль.

– Я не могу поверить, что я, рабыня, увижу игру в тлачтли! – с восторгом произнесла Оцетлана.

– Следует поспешить. Нам надо успеть сходить на рынок и купить новую одежду, а то наша в пути испачкалась и порвалась. К тому же, Оцетлана и Мекатли одеты слишком просто. Надо будет купить красивые накидки и плащи, – решил Текалотль. – Китлалполь отдала свой золотой браслет рыбакам, чтобы они доставили нас в Теночтитлан. Теперь пришла моя очередь заплатить за новую одежду.

– Как ты великодушен, Текалотль! – воскликнул Мекатли. – Не верю своим ушам! Неужели ты решил так позаботиться о простом слуге и рабыне?

– Я забочусь не о простом слуге и рабыне, а о своих верных спутниках: прекрасной Оцетлане и беглом рабе – мужественном Мекатли, – сказал Текалотль.

– Только, пожалуйста, не произноси слова беглый раб слишком громко, и не издевайся надо мной, говоря, что я мужественный, – попросил Мекатли.

Текалотль спросил прохожего – высокого человека в пёстрой накидке:

– Скоро ли начнётся игра?

– Вечером, как только солнце скроется за горами, но ещё будет светло, – ответил высокий человек.

Текалотль позвал своих спутников:

– Идёмте на рынок!

На огромном рынке, где торговые ряды были оборудованы навесами, покрытыми тростником, удалось купить одежду для всех. Текалотль снял с шеи тяжёлую золотую цепь, и за неё получил от торговца красивую одежду. Текалотль взял себе фиолетовую тунику с короткими рукавами и красивый зелёный плащ, украшенный золотистым орнаментом с изображением двух парящих орлов. Для Китлалполь он приобрёл куэйтль – юбку её любимого синего цвета, усеянную золотистыми звёздочками, а также розовую сорочку – уипиль, разрисованную маленькими серебристыми морскими раковинами. Не забыл Текалотль взять для своей жены и кечкемитль – ромбовидную золотистую пелерину.

Оцетлане Текалотль подарил простые одноцветные зелёные уипиль и куэйтль. Однако, качество ткани, из которого они были сшиты, должны были указывать на знатное происхождение.

ние девушки. Мекатли, кроме простой серой туники и набедренной повязки получил в подарок красивый фиолетовый плащ. Кроме того, Текалотль приобрёл для себя и своих спутников удобные кожаные сандалии.

Покинув рынок, они направились на берег озера Тескоко. В прибрежных зарослях они переоделись в новую одежду.

Текалотль немного подумал и решил забрать у Мекатли нож, который тому, по распоряжению Китлалполь, ещё в Заоблачном городе, выдала Оцетлана.

– Думаю, мне нож понадобится скорее, чем тебе, Мекатли, – сказал Текалотль.

Мекатли беспрекословно передал нож наместнику.

– Полагаешь, тебе может грозить серьёзная опасность? – заволновалась Китлалполь.

– Надеюсь, всё будет хорошо. Я вооружился ножом на всякий случай, – успокоил жену Текалотль и повёл своих спутников к стадиону.

За вход на трибуну он заплатил сорок бобов какао, после чего серый мешочек, висевший у него на поясе, опустел. За такую плату гости столицы смогли выбрать себе удобные места.

Усевшись на мягкие подушки, положенные на каменную скамью, они осмотрелись. В той части трибуны, где они разместились, людей было мало. Неподалёку от них находилась беседка, увитая плющом и украшенная яркими цветами и разноцветными перьями. Большинство зрителей заняли менее удобные места на двух трибунах, расположенных друг против друга. Внизу, между длинными трибунами, располагалась выложенная ровными каменными плитами прямоугольная площадка, размеченная белыми линиями. По дальним краям вытянутой площадки находились оштукатуренные стены, в которые на большой высоте были вмурованы каменные кольца с небольшими отверстиями.

В этот день на стадионе было много гостей из города Тескоко. От жителей Теночтитлана их отличала простая одежда – гости были в серых или белых накидках.

Зрители готовились к игре, делая ставки на победу своих команд. Люди ставили на кон украшения, еду и одежду. Богачи делали ставки на дома и участки земли. Бедняки, порой, ставили на кон свою свободу. После каждой игры в мяч многие простолюдины, проигравшие пари, становились рабами.

– Для чего нужны эти кольца, похожие на круглые оттопыренные уши, выступающие из стен? – спросил Мекатли.

– Игроки должны забросить в них каучуковый мяч. Согласно правилам игроки могут бить по мячу всеми частями тела, кроме головы и рук. Только не задавай во всеуслышание дурацкие вопросы. Иначе все поймут, что ты на этой трибуне случайный человек, и это может плохо закончиться и для тебя, и для всех нас, – шёпотом ответил Текалотль.

Тут почти все зрители расprostёрлись ниц на каменных скамьях. Наступила тишина. Текалотль успел стукнуть по спине Мекатли и тот улёгся животом на каменное сиденье. Оцетлана также поспешно легла ничком на скамью.

Китлалполь поняла причину происходящего. Четыре раба внесли на их трибуну богато украшенный разноцветными цветами и перьями золотистый паланкин, в котором находился Мотекусома. Простые люди не имели права лицезреть правителя ацтеков, и потому все зрители, кроме нескольких вельмож, остались сидеть на своих местах. Громкими криками и взмахами рук знатные ацтеки приветствовали правителя ацтеков. Китлалполь и её супруг наблюдали за происходящим – они имели право смотреть на Мотекусому.

Рабы поставили паланкин перед беседкой. Поддерживаемый под руки стражниками, Мотекусома величественной поступью сошёл на трибуну. В правой руке он держал бронзовый жезл.

Мотекусома был статен и высок. Под одеждой угадывались его крепкие мускулы. Недаром о нём рассказывали, будто в юные годы, в первых своих четырёх сражениях с врагами, Мотекусома пленил восемнадцать вражеских воинов.

Правитель ацтеков был одет в синюю тунику с красными узорами, доходившую ему до пят. На его широкие плечи поверх туники был наброшен пурпурный плащ с изображением двух серебристых змей, украшенный множеством разноцветными перьев. Золотые браслеты на руках и ногах правителя ацтеков были инкрустированы изумрудами и сапфирами. Тяжёлые золотые сандалии Мотекусомы украшали крупные розовые и чёрные жемчужины. На его голове, под лучами заходящего солнца, сияла украшенная красными, зелёными и синими перьями высокая золотая корона с вкрапленными в неё драгоценными камнями. Для того чтобы зрители могли занять свои места и посмотреть игру, однако, при этом, не лицезреть своего правителя, Мотекусомы зашёл в расположенную на трибуне беседку, которая была увита зеленью и украшена сиреневыми и алыми цветами и бирюзовыми, алыми и зелёными перьями. Правитель ацтеков скрылся в глубине беседки и стал невидим для зрителей, хотя сам мог следить за игрой через проём в виде арки. Беседку окружили семь воинов-ягуаров и семь воинов-орлов. Это была личная охрана Мотекусомы.

Вскоре рабы подняли на трибуну два паланкина, которые были намного меньше и не столь красивы и изящны, как паланкин Мотекусомы. Из одного паланкина вышел рослый широкоплечий человек с внимательным взглядом и глубокими морщинами на лбу, а из другого закрытых носилок, кряхтя, выбрался невысокий грузный человек. Их одеяния отличались от одежды и украшений Мотекусомы. У них не было золотых браслетов и сандалий. На голове широкоплечего вельможи, облачённого в синюю тунику и фиолетовый плащ с изображением большой белой раковины на спине, красовалась небольшая изящная золотая корона, украшенная бирюзой и синими перьями. Голову грузного низкорослого знатного человека венчала золотая корона с чёрными перьями, инкрустированная нефритовыми камнями и чёрным жемчугом. Чёрная туника и чёрный плащ с вышитыми на нём белыми человеческими черепами придавали грузному знатному ацтеку мрачный вид. Вельможи зашли в беседку, в которой уже находился Мотекусомы.

– Кто это такие? – спросила у мужа Китлалполь.

Текалотль не успел ответить, как Китлалполь попросила:

– Хотя постой, не говори.... Сейчас я сама угадаю. Рослый и стройный тлатони в фиолетовом плаще – жрец Бога Тлалока, а низкорослый полноватый человек в чёрном плаще – жрец Бога Тецкатлипоки. Верно?

– Не угадала. Это вожди народов аколуга и тепанеков. Они союзники теночков. Высокий вельможа в фиолетовом плаще – это Несуальпилли – вождь народа аколуга из Тескокоалтепетля, а грузный человек в чёрном плаще – это Тотокиуацин – вождь тепанеков из города Тлакопана. Впрочем, они оба не только вожди, но и верховные жрецы этих народов, входящих в Тройственный союз ацтеков, – поведал Текалотль.

– Видно, Мотекусомы уважает этих вельмож, если позволил им зайти в свою беседку, – заметила Оцетлана.

– Да. Вожди народа аколуга и тепанеков пользуются особым расположением Мотекусомы. Впрочем, Тотокиуацин, как и его народ, не играет важной роли в Тройственном союзе. Однако он всегда следует указаниям Мотекусомы и угождает ему во всём. А вот Несуальпилли незаурядная личность. Он правит богатым краем Тескоко, столица которого Тескокоалтепетль лишь немного уступает силе и богатству Теночтитлана. Несуальпилли, сын Несуалькойотля, – мудрый правитель.

– Он сын того самого Несуалькойотля, который был не только правителем Тескоко, но и великим поэтом? Я читала его поэмы, – вспомнила Китлалполь.

– Отец Несуальпилли известен не только своими стихами, но и тем, что собрал обширную библиотеку, создал училище искусств и музыки, а главное – издал закон, который запрещает человеческие жертвоприношения. И ещё он написал труд, в котором указывает, что всё сущее создал один творец – Бог по имени Тлоке Науаке, – поведал Текалотль.

В это время Яотль, начальник стражи Мотекусомы, возвестил, что все правители зашли в беседку, и павшие ниц зрители стали вставать и снова рассаживаться на трибунах. Оцетлана с Мекатли снова села рядом с Китлалполь и Текалотлем.

– Под стать Несауалькойотлю его сын Несауальпилли – нынешний правитель Тескоко. Он продолжил дело своего отца и утвердил на своей земле веру в Тлоке Науаке. Так что, в вопросах веры правители Теночтитлана и Тескоко расходятся. Несауальпилли покровительствует искусствам и сам пишет философские труды. В Тескокоалтепетле он создал совет по музыке, устроил несколько наблюдательных площадок, чтобы следить за Солнцем, Луной и звёздами. А ещё говорят, будто он сведущ в магии и обладает даром предвидения, – рассказал Текалотль.

– Он умеет предсказывать события? – удивилась Китлалполь.

– Так говорят, – сказал Текалотль.

– Что же связывает теночков и тепанеков с народом аколуга, если они верят в разных Богов?

– Мотекусوما понимает, что не всегда следует навязывать другим народам свою веру. Ему нужна поддержка сильной армии народа аколуга. Ведь теночкам намного выгоднее, чтобы этот многочисленный народ был его союзником, а не противником. Мотекусوما уже нашёл врагов в лице тласкальтеков.

Услышав эти слова, Китлалполь тяжело вздохнула.

– Прости, милая, я не хотел тебе напоминать о грядущей войне.

Тут Китлалполь насторожилась и кивнула в сторону беседки, из которой доносился приглушённый разговор. Текалотль понял её и стал прислушиваться. Однако до него доносились лишь обрывки фраз. Китлалполь, обладавшая острым слухом, слышала неторопливый разговор, который вели между собой властители.

– Итак, Несауальпилли, ты предсказываешь приход на наши земли чужеземцев и истребление ацтеков? – спросил один из правителей густым хрипловатым голосом.

– К сожалению, это так, великий Мотекусوما! Скоро из-за моря придут воинственные чужеземцы, и государство ацтеков падёт! – сказал Несауальпилли.

– Говори тише! Посторонние не должны слышать подобные речи. Народу не следует это знать. Он должен верить только тому, что ему говорят жрецы и вожди, – осуждающим тоном произнёс Мотекусوما.

– Не беспокойся, Мотекусوما. У воинов, охраняющих нас, уши залеплены воском. Даже начальник стражи уже заткнул уши, – бодрым голосом произнёс Несауальпилли.

– Нас могут слышать не только стражники. На этой трибуне сидят знатные ацтеки. Слишком невероятно и ужасно, что неведомые чужеземцы могут погубить великое государство ацтеков, которое создавали наши предки. Я хочу верить, что страна ацтеков будет существовать вечно, – заявил Мотекусوما.

– Верить никому не запрещено. Это даже поощряется жрецами, – сказал Несауальпилли.

– Ты сведущ в магии, сын Несауалькойотля, поэтому я могу тебе поверить. Однако это плохое предсказание, и я не хочу его обсуждать. Я собираюсь сегодня развлечься и собираюсь заключить с тобой пари, что команда Теночтитлана сегодня победит игроков из твоего города Тескоко, – сказал Мотекусوما. – Я собираюсь поставить на кон островок с моим небольшим загородным дворцом на севере озера Тескоко. Кроме того, по моей примете, до сих пор правым всегда оказывался тот, чья команда выиграла игру. Значит, сразу после окончания игры мы узнаем, кто из нас прав.

– Я не могу поставить на кон острова, которых у моего народа нет, или землю, которой у аколуга не так много, как у теночков, но я могу подарить тебе собрание своих новых стихов, великий Мотекусوما, если команда Теночтитлана сегодня одолеет моих игроков.

– Что ж, я люблю читать твои стихи. Я согласен, – ответил правитель ацтеков.

– Но я удивлён. Мотекусوما, оказывается, ты веришь в свои приметы, – сказал Несауальпилли. – Возможно, тогда ты поверишь и моим предсказаниям. Похоже, пора поведать тебе, великий правитель ацтеков, что мне стало известно после проведения магических обрядов.

– Как я слышал, Несауальпилли во время своих обрядов обращается к своему Богу Тлоке Науаке с просьбой показать будущее. Разве единый Бог может предсказывать будущее? Я всегда считал, что способность узреть будущее и услышать пророчества доступно лишь достойным жрецам, полностью посвятившим себя служению одному из великих Богов ацтеков и верующих в существование множества Богов, а не единого Бога. Признание существования Тлоке Науаке – это кощунство! Ведь Несауальпилли ошибается, когда говорит, что верит в одного Бога. Не так ли, Мотекусوما? – заискивающим тонким голосом спросил Тотокиуацин.

– Не будь простаком, мой друг, – в голосе Мотекусомы послышалась насмешка. – Несауальпилли вовсе не верит в придуманного его отцом Бога Тлоке Науаке. Несауалькойотль сделал это в силу ряда обстоятельств.

– Как такое возможно? – удивился правитель Тлакопана. – Я в этом сильно сомневаюсь.

– Я развею твои сомнения, Тотокиуацин, – послышался голос Несауальпилли. – Я беседовал со своим отцом перед его смертью. Он, на самом деле, придумал Тлоке Науаке. Это было им сделано в силу необходимости. В Тескокоалтепетле пришло время ограничить жертвоприношения людей Богам. После долгих размышлений мой отец написал философский труд, который впоследствии лёг в основу новой веры.

– И лишь руководствуясь своими мыслями, твой отец поправил многовековые устои и веру ацтеков! – в голосе Тотокиуацина слышалось искреннее негодование.

– Несауалькойотль спас город Тескоко и народ аколуга. Слишком частые массовые жертвоприношения привели к тому, что численность молодых крепких мужчин и здоровых красивых девушек неуклонно снижалась. А Тескоко и всему нашему Союзу нужны были сильные воины и крепкие здоровые земледельцы, – сказал Несауальпилли. – К тому же, как это не кажется странным, но Тлоке Науаке, которого придумал мой отец, иногда действительно помогает мне и народу Тескоко. Наши молитвы, похоже, достигают его ушей. Порой мне кажется, что мой отец вовсе не придумал единого Бога, как сам мне сказал перед смертью. Возможно, я просто не совсем верно понял предсмертные слова своего отца. Может быть, Несауакойотль имел в виду, что придумал только имя творцу всего сущего, а сам единый Бог существовал всегда.

– Мне кажется, что твой отец, Несауальпилли, пошёл по неправильному пути. Проще было немного изменить порядок жертвоприношений, не касаясь веры предков. У нас в Теночтитлане и в наших вассальных городах жрецы теперь стали чаще приносить в жертву Богам пленников и злодеев, а не красивых девушек и воинов, – сказал Мотекусوما.

– Но ведь до сих пор многие ацтеки Теночтитлана, Тлакопана, Миштлиалтепетля и других городов с радостью ложатся на жертвенные камни, полагая, будто совершают поступок, угодный Богам и народу ацтеков, что совершенно не соответствует истине, – сказал Несауальпилли.

– Как ты только можешь произносить такие слова, Несауальпилли? Тебя покарают Боги! – воскликнул Тотокиуацин.

– Ещё скажи, толстяк, что вы и меня скоро принесёте им в жертву, – рассмеялся Несауальпилли.

– Ты же знаешь, что это невозможно. На твою защиту поднимется весь народ аколуга. А в Тескоко действительно мощное войско и преданный своему правителю народ, – в голосе Мотекусомы послышались нотки сожаления.

– Но как твой отец мог обмануть свой народ?! – продолжал возмущаться Тотокиуацин.

– А разве твои предки, Тотокиуацин, и предки Мотекусомы не приняли чужую веру с изрядным количеством Богов? Ведь вера ацтеков, пришедших с северных равнин на озеро

Тескоко, была иной. Однако жрецы с готовностью приняли веру тольтеков, а те, в свою очередь переняли веру у народа майя. А ведь когда-то жрецы майя также придумали своих Богов.

– Да что он такое несёт! Останови его, Мотекусوما! – воззвал к правителю ацтеков Тотокиуацин.

– Пусть говорит. Главное, чтобы нас не услышали посторонние уши. Ведь Тескоко помогает нам во время войн, и совсем скоро нам снова понадобится его помощь. Впереди поход на Тласкалу, – сказал Мотекусوما.

Услышав о готовящемся походе на Тласкалу, Китлалполь вздрогнула. Текалотль удивлённо взглянул на неё и тихо спросил:

– Что с тобой?

Китлалполь не ответила мужу. Она продолжала прислушиваться к беседе правителей.

– Чем ты, Несауальпилли, докажешь, будто Кукулькан, как его называли майя, или Кетцалькоатль, как его называем мы, был придуман? – спросил Тотокиуацин.

– Возможно, его не придумали. Просто это был мудрый и добрый человек или неведомое разумное существо. Однако вы знаете, как со временем изменилось отношение ацтеков к Кетцалькоатлю. Разве раньше ему приносились человеческие жертвы? Ведь лишь относительно недавно число жертвоприношений Кетцалькоатлю и другим Богам стало расти. Когда стало не хватать своих людей, тысячи пленников легли под жертвенные ножи жрецов ацтеков, с сотен людей была живьём содрана кожа, которую потом жрецы надевали на себя и плясали вокруг костров, в которых сжигали живых людей. А сколько детей и девушек было утоплено в священных сенотах! Сколько детских голов разбито о каменные ступени пирамид! А ведь эти обряды появились не так давно. Несколько десятилетий назад жрецы ацтеков объявили, что увеличение числа жертв угодно Богам, – с жаром говорил Несауальпилли.

– И, тем не менее, Теночтитлан процветает. Тебе не кажется это странным? – спросил Мотекусوما. – А знаешь, Несауальпилли, отчего Теночтитлан стал великим городом, и в нём, несмотря на многочисленные человеческие жертвоприношения, растёт население?

– Наверно, теперь жрецы стали убивать больше пленников, а не своих людей, – ответил правитель Тескоко.

– Нет. Самое главное в жертвоприношениях – страх. Он требуется для укрепления государства, – сказал Мотекусوما. – Ведь не все люди покорны, словно наши домашние собаки с вечно печальными глазами, мясо которых мы едим. Ты же видел глаза собак, Несауальпилли! Большинство ацтеков с такими же затравленными глазами участвуют в жестоком представлении, которое мы, жрецы, называем верой во всемогущих Богов. Впрочем, в последнее время, не все ацтеки с радостью ложатся под жертвенные ножи. Они видят, как жертвы перед смертью корчатся в муках, и им не хочется переживать подобные жуткие ощущения.

– Ты так говоришь, великий правитель, мне становится не по себе. Неужели и ты, Верховный жрец, не веришь в наших Богов? – голос Тотокиуацина дрогнул.

– Я стараюсь верить в существование наших Богов. Я хочу верить, что Кетцалькоатль приходил на землю. Я надеюсь, что Пернатый Змей вернётся, – спокойно произнёс Мотекусوما. – В то же время, я знаю, что человеческие жертвы вовсе не обязательны. Но сейчас они нужны.

– Ты довольно странно рассуждаешь, – заметил Несауальпилли.

– Я рассуждаю логично, а не странно. Я же сказал, что главное – это страх. Он сплачивает народ. Именно страх позволяет народу ацтеков стать великим народом. Великому государству нужны страх и вера! – уверенно произнёс Мотекусوما.

– Но если ты надеешься, что Пернатый Змей вернётся, не боишься ли ты, что он спросит с тебя за жертвоприношения? Разве это не кощунство – приносить людей в жертву Кетцалькоатлю, который сам выступал против этого? – изумился Несауальпилли.

– Надеюсь, к тому времени меня уже не будет на земле, – в голосе Мотекусомы послышалась насмешка.

– А если я скажу, что Кетцалькоатль скоро вернётся и покарает народ ацтеков за их грехи, ты поверишь? Ведь скоро будут уничтожены наши храмы, города будут лежать в руинах, а ацтеки во множестве будут истреблены и число погибших ацтеков превысит все мыслимые пределы? А затем на нашей земле установится иная вера, и ацтеки не будут поклоняться Великим Богам, – сказал Несауальпилли.

– Ты шутишь или же, на самом деле, предвидишь это? – с тревогой спросил Мотекусома.

– Я видел близкое будущее. Я видел возвращение бородатого белого Бога, похожего на Пернатого Змея, который ведёт за собой множество белых Богов, истребляющих наших воинов огнём, вырывающимся из посохов, которые они держат в руках. Когда они придут, неисчислимы бедствия обрушатся на земли ацтеков. Я видел, как они соединились воедино со страшными разъярёнными животными, которые могут нестись по земле быстрее ветра. Вот что я видел! Ты, великий Мотекусома, решил, что исход предстоящей сегодня игры в тлачтли решит судьбу твоего народа. Что ж, возможно ты в это веришь и надеешься на чудо, однако...

– Не смей больше произносить ни слова! – Мотекусома прервал правителя Тескоко. – Да, я суеверен, однако постараюсь укрепиться в истинной вере ацтеков. Я буду молиться нашим Богам. Надеюсь, что мои молитвы дойдут до них, и твоё страшное предсказание не исполнится. Я буду молить Уицилопочтли и Тецкатлипоки, чтобы команда Теночтитлана сегодня победила, и Боги сохранили империю ацтеков. Сегодняшняя игра покажет, кто из нас прав, Несауальпилли. Вот увидишь, команда Теночтитлана одолеет твоих игроков!

– Честно говоря, я не тщеславен и сегодня не желаю победы команды моего города по двум причинам, – сказал Несауальпилли.

– По каким же? – поинтересовался Тотокиуацин.

– Я тоже заразился от Мотекусомы суеверными представлениями о значимости результата игры в тлачтли, – сказал Несауальпилли. – Если им следовать, то мои страшные видения о гибели страны ацтеков должна подтвердить сегодняшняя победа команды Тескокоалтепетля над Теночтитланом. А ведь я желаю только добра народу Теночтитлана и всем ацтекам. Вторая причина состоит в том, что капитан команды-победительницы, по закону теночков, должен быть принесён в жертву Богу Уицилопочтли. А ведь у нас в Тескоко ныне иные законы, и я уважаю капитана нашей лучшей команды и не желаю его смерти. Я буду рад, если команда из Тескокоалтепетля сегодня проиграет. Вообще-то, странный у вас, теночков, обычай. Так в скором времени вы полностью истребите всех умелых игроков в тлачтли и самых сильных воинов.

– Всех мы не уничтожим, – уверил Мотекусома. – Но ведь я говорил, что ацтекам необходим страх.

– Страх нужен и для просвещённых и мыслящих людей? – грустно произнёс Несауальпилли.

– Да. Для просвещённых и мыслящих нужен страх. Вот только из просвещённых и мыслящих ацтеков получают плохие воины и земледельцы. На просвещённых людей не стоит опираться, уважаемый Несауальпилли. А что касается остальной части населения, то среди малообразованных людей следует воспитывать чувство покорности власти и одновременно – ощущение восторга перед всемогущими Богами. Такие ацтеки должны с радостью ложиться на жертвенные камни, зная, что тем самым они угождают Богам и своей кровью помогают продлевать существование всего сущего. Их родственники будут всю жизнь гордиться теми, кто с радостью пошёл на самопожертвование, – сказал Мотекусома.

– Нет ли здесь противоречия, правитель? Ведь в жертву приносят и лучших ацтеков – воинов, красивых девушек, выдающихся игроков в тлачтли, и худших – воров, убийц, а также тех, кто не дорог ацтекам – пленников из числа чужеземцев и рабов. Я слышал, что раньше лучших ацтеков не приносили в жертву Богам.

– Видишь ли, времена меняются. К тому же лучшие воины и игроки в тлачтли вполне могут оказаться опасными претендентами на власть. Ты не задумывался над этим? А ведь и ты, и я, и Тотокиуацин, уже не молоды, и нас могут сменить сильные и смелые воины или удачливые игроки в тлачтли – любимцы толпы.

– Не знаю, отчего возникают у тебя такие опасения, Мотекусوما, но народ Тескоко меня любит, и мои воины и игроки в тлачтли меня не предадут.

– Не зарекайся, сын Несауалькойотля! Предать тебя может народ, как до твоей смерти, так и после, – сказал Мотекусوما.

В это время послышались гулкие протяжные звуки, толпа на трибунах взревела, и Китлалполь перестала слышать голоса правителей.

– Что это за странные звуки? Так звучат морские раковины, когда жрецы собираются приносить жертву Тлалоку, – заволновался Мекатли.

– Это судьи дуют в большие морские раковины, возвещая о начале игры. Сейчас на поле выйдут команды, – сказал Текалотль.

Действительно, из прохода между трибунами, с противоположных сторон, на поле вышли игроки и выстроились у стен под кольцами напротив друг друга. В каждой команде было по семь человек.

Китлалполь залюбовалась стройными молодыми игроками с мощными мускулами, заметно выделявшимися из-под налокотников и наколенников, изготовленных из тканей, пропитанных смолой. На них были широкие пояса, обхватывающие торс, и повязки на бёдрах. У игроков команды, стоявшей справа от беседки, в которой расположились правитель ацтеков и вожди союзников, пояса и набедренные повязки были синего цвета. У игроков команды, выстроившейся напротив них, пояса и повязки были пурпурными. Волосы на голове у игроков были подвязаны в пучок. Лишь у капитанов команд на головах были повязки.

Игрок из команды города Тескоко с синей повязкой на лбу вышел вперёд и, повернувшись лицом к центральной трибуне, пал на колени и склонился перед беседкой с расположившимися в ней правителями. То же самое проделал капитан команды Теночтитлана, у которого была пурпурная повязка на лбу. Потом оба капитана поднялись с колен и вернулись к своим командам.

– Как думаешь, Текалотль, кто сильнее – воины или игроки в мяч? – спросила Китлалполь, глядя на выстроившихся вдоль стен рослых молодых игроков.

– А как ты думаешь: кто сильнее – ягуар или крокодил? Как можно судить об их силе, если они занимаются разными вещами? Конечно, чтобы ловко управляться тяжёлым каучуковым мячом требуется сила и сноровка не меньшая, чем при обращении с макуавитлем или копьём, – ответил Текалотль.

На верхней части трибун показались судьи, облачённые в чёрные туники и плащи. На каждую из трибун взошли по три судьи. Один из них бросил на середину поля тяжёлый каучуковый мяч. Другой судья выставил на постамент наполненный песком бронзовый сосуд, закреплённый на треножнике, на дне которого было узкое отверстие – из него в углубление стал сыпаться мелкий песок. С помощью таких песочных часов определялось время игры.

Когда багровое солнце полностью скрылось за горой, судья, бросивший мяч на поле, поднял большую белую морскую раковину и поднёс её ко рту. Раздался громкий протяжный трубный звук, возвестивший о начале игры. В тот же миг игроки обеих команд ринулись к мячу, который лежал на середине поля. Первым успел к мячу и ударил по нему ногой капитан команды Теночтитлана, однако прокинуть его вперёд, на ход своему игроку, ему не удалось. Поймав мяч на бедро, игрок команды Тескокоалтепетля перехватил его и ногой закинул на сторону поля соперника. Болельщики, прибывшие из Тескоко, взревели, подбадривая своих любимцев.

Игроки с синими поясами теснили теночитланцев. Гости перешли на сторону поля противника. Игроки из Тескоко ловко перекидывали друг другу тяжёлый мяч, нападая на него ногами и бёдрами. Они уже были у кольца соперника, но тут их нападающего толкнул руками игрок с красным поясом. Игрок из Тескоко упал. Судья загудел в раковину и команды прекратили игру. Капитан команды Тескоко поставил мяч на поле возле стены, напротив вмурованного на большой высоте небольшого каменного кольца. Капитан подцепил мяч ногой и подкинул его перед собой. Затем правым плечом он ударил по каучуковому мячу и направил его в кольцо. При этом капитан команды Тескоко скривился от боли и схватился за плечо. Мяч ударился о широкий каменный обод кольца и отлетел в поле. Болельщики на трибунах разом выдохнули: гости – немного разочарованно, а болельщики Теночитлана – с облегчением.

Однако вскоре болельщики, прибывшие из Тескоко, радостно закричали.

– Ну, вот, хоть и не попали твои игроки в кольцо, однако один балл – ваш! – послышался из беседки хмурый голос Мотекусомы.

– Не стоит переживать, властитель. Игра только началась, – угодливо произнёс Тотоки-уацин.

– Смотрите, игроки Тескоко снова попали в обод кольца, – заметил Несауальпилли, перекрывая шум взревших болельщиков Тескокоалтепетля. – У моей команды Тескоко уже два балла.

– Что-то не слышу радости в твоём голосе, – произнёс Мотекусوما.

– Я уже объяснил, что победа команды Тескоко меня не обрадует, – сказал Несауальпилли.

– Как странно. Победа Тескоко никого не радует, а эта команда выигрывает, – процедил сквозь зубы Мотекусوما.

Болельщики Тескоко, после заработанного их командой второго очка, уже не проявляли особой радости и затихли. Поняв, что сегодня может произойти разгром команды хозяев, они опасались ярости местных зрителей и гнева властителя ацтеков. На всякий случай, чтобы не рассердить Мотекусому и патриотично настроенных болельщиков столицы ацтеков, также молчали жители Теночитлана, которые заключили пари на победу команды Тескоко.

Тем временем игроки Тескоко в очередной раз перешли на половину поля команды с красными поясами. Капитан команды Тескоко нанёс мощный удар ногой в сторону кольца противника. К радости болельщиков Теночитлана и на свою беду, один из игроков с красным поясом преградил путь мячу. Удар пришёлся ему в пах. Небольшой защитный бронзовый фартук не оградил защитника от тяжёлого мяча. Несчастный взвыл от боли, упал и, корчась, принялся ползать по полю, волоча ноги и орошая кровью каменные плиты. Послышался трубный звук. Это один из судей принялся дуть в морскую раковину, издавая отрывистые звуки. Таким способом он остановил игру.

На поле показался лекарь и два мускулистых молодых ацтека в серых накидках. Лекарь склонился над застывшим раненым игроком и махнул рукой. Судя по всему, испытавшему болевой шок бедолаге, который лежал неподвижно, врачебная помощь уже не требовалась. Трибуны взревели и засвистели. В адрес капитана команды Тескоко послышались угрозы. Юноши, сопровождавшие лекаря, подхватили мёртвого игрока и унесли его с поля. Вместо погибшего на замену вышел новый игрок с красным поясом.

Судья протяжно загудел в морскую раковину и игра возобновилась. Команда Теночитлана начала игру и, ударя по мячу ногами, грудью и бёдрами, повела его к стене противника. Теперь уже капитан команды Теночитлана нанёс сокрушительный удар по мячу, и каучуковый плотный шар попал в голову защитнику из Тескоко. Заливаясь кровью, игрок рухнул на поле. Под его головой растеклась лужа крови. Снова послышались отрывистые трубные звуки. Несчастного окружили игроки своей команды. Никто не сомневался, что защитник Тескоко умер. К нему даже не стал выбегать лекарь. Вскоре юноши унесли с поля и этого мертвеца.

Болельщики Теночтитлана радостно закричали, словно их команда заработала очко.

– Как же они радуются смерти! – прошептала Китлалполь.

– Это игра, а на трибунах болельщики. Для них сейчас игра важнее всего, – попытался объяснить ситуацию Текалотль.

– Ужасно! Не успела начаться игра и уже два игрока погибли, – проговорила потрясённая Китлалполь.

– Игра в тлачтли опаснее ристалищ воинов. Даже во время праздничного сражения между воинами-орлами и воинами-ягуарами погибает меньше человек, чем при игре в мяч. Игрокам в тлачтли требуется не меньшее мужество, чем воинам, – заметил Текалотль.

– Скорее бы эта игра завершилась! – поморщившись, сказала Китлалполь.

Впрочем, из её окружения, лишь сидевшая с каменным лицом Оцетлана разделяла её мнение. Текалотль напряжённо следил за игрой, болея за столичную команду. Мекатли, наоборот, от всей души желал победы игрокам Тескоко. Он не приветствовал успехи команды гостей криками, а лишь едва заметно улыбался при удачной игре команды Тескоко.

На замену вышел ещё один запасной игрок, на этот раз – из команды Тескоко, и капитан этой команды ввёл мяч в игру. Один из игроков гостей уже хотел было направить мяч в кольцо противника, но тут его грубо толкнул руками капитан команды хозяев. Хотя сильные толчки руками были запрещены правилами, судья не загудел в раковину, словно не замечая падения сбитого с ног игрока гостей. Команда Теночтитлана, воодушевлённая поддержкой судьи и своих ревущих болельщиков, перехватила мяч, и капитан столичной команды нанёс бедром удар по мячу, который, стукнулся об обод кольца команды гостей. Трибуны взревели, местные болельщики вскочили с мест и от восторга стали потрясать руками.

– Один балл против двух. Ещё немного и мы сравняем счёт, – послышался из беседки довольный голос Мотекусома. – Мы должны победить. Слишком много поставлено на кон.

– Ты вспомнил о своём суеверном предположении, будто результат этой игры скажется на будущем? – спросил Несауальпилли.

– Да. Я так считаю, – упрямо произнёс Мотекусома.

– Всё будет по-твоему, правитель, – сказал Тотокиуацин. – В крайнем случае, команде Теночтитлана помогут судьи.

– Ты льстив, Тотокиуацин. Ты сказал, что судьи нам помогут? Но ведь победа, всё-таки, должна быть честной, – задумался Мотекусома.

– Что-то мне подсказывает, как это не прискорбно, сегодня победит Тескоко и, как бы мне этого не хотелось, но моё предсказание всё же рано или поздно, исполнится, – сказал Несауальпилли.

– Что ты подразумеваешь под словами: «рано или поздно», провидец? – насторожился Мотекусома. – Ты же обещал, что это должно случиться скоро.

– Это означает, что мне не дано определить, насколько скоро это произойдёт. Но это начнётся, когда ты, Мотекусома, ещё будешь править государством ацтеков. И ты ещё не будешь стариком, – сказал Несауальпилли. – Я не могу определить точно, когда точно произойдут ужасные события.

– Пусть же они не произойдут вовсе! – твёрдо сказал Мотекусома и продолжил внимательно следить за игрой.

Заметив, что судья не обратил внимания на нарушение правил со стороны капитана команды Теночтитлана, игроки принялись толкать друг друга руками. Однако вскоре судья протрубил в морскую раковину и остановил игру. За едва заметный толчок руками соперника игроком команды Тескоко, был назначен штрафной бросок в их кольцо с близкого расстояния. Капитан команды Теночтитлана встал возле стены соперника, напротив кольца, и прицелился, готовясь ударить мяч ногой. Столичные болельщики замерли в предвкушении успеха своей команды. При любом попадании мяча в небольшое в кольцо, что случилось довольно

редко, игра прекращалась и команда, игрок которой попал в кольцо соперника, объявлялась победительницей. В том случае, если мяч не попадал, хотя бы в широкий обод выступающего из стены кольца, баллы вообще не начислялись. Капитан столичной команды угодил мячом в обод каменного кольца, и счёт сравнялся.

Зрители недовольно загудели. Болельщики Теночтитлана были раздосадованы тем, что капитан столичной команды не смог завершить игру удачным броском, а болельщики из Тескокоалтепетля были недовольны несправедливым судейством и тем, что счёт стал равным.

Китлалполь украдкой посмотрела на мужа, который, переживая за команду Теночтитлана, вздрагивал и раскачивался, ёрзая на подушке.

– Судья засуживает команду Тескоко, – заметила Китлалполь.

– Ты права, хозяйка. Судья подкуплен, – согласился Мекатли.

– Это вам так кажется, – махнул рукой Текалотль.

– Ты так переживаешь за Теночтитлан, что готов простить судье несправедливое судейство? – недовольно спросила Китлалполь.

– Если решения городских судей никогда не обсуждаются, тогда почему можно осуждать решения арбитров, которые судят сегодняшнюю игру? – спросил Текалотль.

– Вот потому-то в столице ацтеков лучше не судиться. Здесь судьи целиком зависят от властей, – заметила Китлалполь.

Текалотль не стал продолжать разговор с женой и сосредоточился на игре. Тем временем, капитан команды Тескоко подкинул ногой мяч, пытаясь попасть в кольцо. Мяч стукнулся о стену, рядом с кольцом, и отскочил в поле. За это баллы не начислялись. Однако атака продолжалась. Мяч подхватил другой игрок команды Тескоко и передал его своему капитану. Тот ловко перехватил мяч, правой пяткой перекинул его на левую ногу и, ударом через себя, направил мяч в кольцо соперника, угодив в его обод.

Почти ту же из бронзового сосуда перестал сыпаться песок, и судья трижды протрубил в раковину, возвещая об окончании игры.

– Три балла против двух. Победила команда Тескоко! – громко объявил судья.

Капитан команды Тескоко победоносно вскинул руки. За ним подняли руки все игроки из Тескоко. Болельщики обеих команд встретили успех команды Тескоко в полном молчании. Столичные болельщики были раздосадованы поражением, а гости опасались открыто выражать свою радость, чтобы за пределами стадиона на них не набросилась разъярённая неудачей толпа местных болельщиков. И тут Несауальпилли вышел из беседки и приветствовал команду своего города, вскинув руки.

– Ты же обещал не болеть за своих игроков, – недовольно проворчал Мотекусума, когда Несауальпилли вернулся в беседку.

– Я не мог не приветствовать своего капитана и команду. Они старались и заслужили победу, – ответил Несауальпилли. – К тому же, теперь капитана команды из Тескоко ждёт смерть на жертвенном камне. Мне было необходимо его подбодрить.

– Ты прав. В Теночтитлане не действуют законы Тескоко, и поэтому капитана победившей команды придётся принести в жертву, – сурово произнёс Мотекусума.

– У меня будет к тебе просьба, правитель Теночтитлана и всех ацтеков, – сказал Несауальпилли.

– Говори, – кивнул Мотекусума.

– Я прошу освободить капитана моей команды Изтпапалотля от жертвоприношения.

– Но как я это сделаю? Даже мне сложно что-либо изменить в установленном порядке, – сказал Мотекусума.

– Будем откровенны, властитель ацтеков, ведь ты сам участвовал в создании данного порядка. Ты сам придумывал многие законы и устанавливал их.

– Иногда проще что-либо придумать и установить, чем потом отменить, – возразил Мотекусома.

– А что если закон не отменять, а лишь немного подправить, – предложил Несауальпилли.

– Что ты предлагаешь? – удивился Мотекусоме.

– Предложи роль жертвы капитану не победившей, а проигравшей команды, как это было принято несколько десятилетий назад в Теночтитлане, – предложил Несауальпилли.

– Я должен буду послать на смерть капитана своей команды? – недовольно произнёс Мотекусома.

– Но ведь это будет логично. В конце концов, команда Теночтитлана проиграла и тем самым прогневала Богов и тебя, великий Мотекусома, – заметил Несауальпилли.

– Да уж, прогневали тебя твои игроки, повелитель! – заискивающе заглядывая в глаза Мотекусоме, произнёс Тотокиуацин.

– Мотекусома, ведь ты поставил на победу команды Теночтитлана само существование ацтеков. Ты молил Богов, чтобы Теночтитлан выиграл эту встречу, и просил Великих Богов, чтобы в этом случае они сохранили твою империю, сказал Несауальпилли.

– Наверно, молясь Богам, я зря увязал победу Теночтитлана в сегодняшней игре со спасением империи, – признался Мотекусома.

– Ты прогневал великих Богов. Теперь они тебе зададут! – с усмешкой произнёс Несауальпилли.

– Поостерегись! Подумай, с какой интонацией ты произносишь свои слова, сын Несауалькойотля! В твоей речи слышится насмешка. Между прочим, Несауальпилли, это ты напророчил кошмарное будущее нашему народу.

– А ты проиграл игру и своё будущее, Мотекусома! – произнёс правитель Тескоко.

– Ещё неизвестно, кто и что проиграл, – с угрозой произнёс Мотекусоме.

– Так что ты решил делать со своим капитаном, правитель Теночтитлана и всех ацтеков? – спросил Несауальпилли.

– Может, ты и прав. Я не ожидал, что команда Теночтитлана сыграет сегодня так плохо. Они играли безобразно, словно перед игрой напились пульке, – проворчал Мотекусома.

– Не ругай сильно капитана Теночтитлана. Взгляни на поле. Видишь, как расстроен поражением капитан и вся команда. На них лица нет. Да и Изтпапалотль – капитан сборной Тескоко также печален. А ведь он не заслужил смерть.

– В том, что твой капитан печален, заслуга тебя и твоего отца. Если бы вы с Несауалькойотлем не стали изобретать новую веру, сейчас бы Изтпапалотль верил, что идя на жертву, он радуется Богов и покрывает себя славой перед лицом всех ацтеков, а так он просто переживает, что его сейчас убьют. Что ж, надо обладать немалым мужеством, чтобы побеждать в игре, и при этом знать, что напрасно умрёшь за свою же победу.

– Есть нечто более важное, чем страх смерти. Это гордость за свою Родину. Изтпапалотль сражался за честь своего родного Тескокоалтепетля и отстоял эту честь в игре.

– Местный патриотизм народа аколоуа бессмыслен, – проворчал Мотекусома.

– Послушай, властелин ацтеков, я предлагаю тебе сделку. В обмен на жизнь моего капитана ты получишь столько золотых украшений, сколько может уместиться в этой твоей просторной беседке, в которой мы сейчас сидим. Я велю прислать столько золотых слитков и украшений, чтобы заполнить её доверху, – предложил Несауальпилли.

– Это мелочь. У меня и без этого так много золота, что я не знаю, сколько его точно находится в моём дворце и в подземных хранилищах.

– Но ведь лишнее золото тебе не мешает. Ты сможешь умилоstitвить Богов, принеся им в жертву это золото.

– Ты прав. Я отправлю полученное золото в дар Богам, в сенот, вместе с сотней рабов.

– Разве обязательно приносить в жертву людей? – спросил Несауальпилли, расстроенный перспективой принесения сотни людей в жертву Богам в обмен на жизнь капитана своей команды.

– Ты же знаешь, что нашим Богам требуются человеческие жизни и человеческая кровь. Им нужно много крови. Кстати, заодно я думаю порадовать и Атлакатля – капитана команды Теночтитлана. Атлакатель обрадуется, когда я сделаю ему самое важное в его жизни предложение, – сказал Мотекусوما.

Махнув рукой, правитель ацтеков взмахом руки позвал к себе начальника стражи, носившего на голове орлиные перья, и знаком показал, чтобы тот вынул из ушей воск. Яотль выполнил указание Мотекусомы и вытащил воск из ушей.

– Приведи ко мне Атлакатля! – потребовал Мотекусوما.

Яотль направился на игровую площадку и вскоре вернулся вместе с капитаном команды Теночтитлана. Атлакатель встал перед тремя сидевшими в беседке правителями и низко опустил голову, чтобы не смотреть на Мотекусому.

– Атлакатель, я, правитель Теночтитлана и всех ацтеков, решил оказать тебе великую честь и прославить тебя и весь твой род, – торжественно произнёс Мотекусوما.

– Благодарю тебя, мой повелитель! – поблагодарил Атлакатель, ещё ниже склонив голову.

– Ты догадываешься, о чём я говорю? – спросил Мотекусوما.

– Пока нет, повелитель.

– Я видел игру, и считаю, что нашу команду засудили. Судья подсуживал команде Тескоко, – сказал Мотекусوما.

Капитан команды удивился таким словам Мотекусомы. Он не мог понять, куда клонит властелин ацтеков, говоря явную неправду о судействе.

– И вот мы с моими друзьями – правителями Тескокоалтепетля и Тлакопана решили признать команду Теночтитлана победительницей перед Богам, хотя вас и засудил судья. И теперь ты будешь принесён в жертву Богу Уицилопочтли! – закончил пространную речь Мотекусوما.

Капитан команды Теночтитлана после его слов с восторгом произнёс:

– Благодарю тебя, мой повелитель!

– Ступай на поле. Сейчас тебя отведут на пирамиду Солнца, – пообещал Мотекусوما.

Атлакатель развернулся, поднял голову и направился на поле. Глаза его сияли радостью. Он не мог поверить, что он удостоен столь великой чести. Вскоре к Атлакатлю подошли два вооружённых макуавитлями ацтека – воин-ягуар и воин-орёл, и в их сопровождении он направился мимо трибун в сторону большой пирамиды. Зрители, покидавшие стадион, с недоумением смотрели на капитана проигравшей команды Теночтитлана, который направлялся на жертвоприношение, вместо капитана с синим поясом и с синей повязкой на лбу.

Капитан команды Тескоко благодарно посмотрел в сторону беседки, где находились вожди ацтеков. Изтпапалотль понял, что ему даровали жизнь.

Зрители стали покидать трибуны.

– Куда все уходят? – спросила Китлалполь мужа.

– Все зрители сейчас направляются к пирамиде Солнца. К ним сейчас присоединятся остальные жители Теночтитлана. Там состоится жертвоприношение капитана команды, – ответил Текалотль. – Правда, к всеобщему удивлению, сегодня это будет капитан проигравшей команды.

– Какой ужас! И капитан, похоже, счастлив. Он искренне улыбается?

– Искренне, – кивнул Текалотль.

– Этого мне не понять, – проговорила Китлалполь, ощущая, как её начинает бить мелкая дрожь.

– Ты вся дрожишь, милая! Сейчас вот-вот наступят сумерки, и станет ещё холоднее, – сказал Текалотль, обнимая супругу за плечи. – Эту ночь нам предстоит провести в Теночтитлане. Надо отыскать жильё, где можно переночевать.

Глава 4. Ночь в Теночтитлане

– Сейчас самое время подойти к Мотекусоме и переговорить с ним. Ведь ты хотел с ним пообщаться. Ради этого мы пришли в Теночтитлан, – напомнила Китлалполь.

– Верно. Я попробую переговорить с Мотекусомой, – согласился Текалотль, вставая со скамьи. – Только я буду говорить не о предотвращении войны с Тласкалой, как собирался сделать раньше, а лишь о том, чтобы Мотекусома защитил нас.

– Ступай скорее к правителю, а потом пойдём отсюда, – попросила Китлалполь. – Мне не нравится этот стадион. Я с трудом дождалась окончания игры.

– Ты зря так относишься к тлачтли. Это захватывающая игра. Сегодня команды играли хорошо. Только меня удивляет, почему на жертвоприношение уводят капитана проигравшей, а не победившей команды? Неужели изменились правила? – изумился Текалотль.

– Кажется, правила игры устанавливают верховные правители и жрецы, – заметила Китлалполь.

– Этих правителей и жрецов не понять, – махнул рукой Мекатли. – Сегодня у них на уме одно, а на следующий день – другое. Сегодня в жертву приносят капитана проигравшей, а завтра – капитана победившей команды, сегодня приносят в жертву бабочек, а завтра станут приносить собак.

– Все эти жертвоприношения мне представляются казнью, – проговорила Китлалполь.

– Ты ещё скажешь, что и бабочек казнят, – усмехнулся Текалотль.

– Бабочек тоже казнят. Ты же знаешь, мне неприятно смотреть даже на смерть бабочек, уже не говоря о человеческих жертвоприношениях, – грустно сказала Китлалполь.

– Сегодня мы не пойдём к пирамиде Солнца смотреть на принесение в жертву капитана команды Теночтитлана, – пообещал Текалотль. – Кстати, правители не торопятся выходить из беседки. Вряд ли они сейчас направятся к пирамиде Солнца.

– А ведь на трибунах, кроме правителей и их охраны, остались только мы, – отметила Оцетлана.

Тут из беседки вышли правители трёх союзных государств, и Текалотль направился к ним. Воины-ягуары и воины-орлы преградили ему путь, скрестив перед ним увитые красными лентами копья. Мотекусома заметил Текалотля и приказал начальнику стражи:

– Пропустите его!

Стражники обыскали Текалотля и отобрали у него обсидиановый нож. Только после этого наместник приблизился к властителю и склонил перед ним голову.

– Давно я не видел тебя, Текалотль. Ты с весны не присылал ко мне гонцов с донесениями, – с укором сказал Мотекусома.

– Мне требуется переговорить с тобой, властитель, – сказал Текалотль.

– Что ж, переговорим, – кивнул Мотекусома и приказал Яотлю:

– Проводите наместника в мой дворец.

– Со мной из Миштлиалтепетля пришла моя жена и слуги, – сказал Текалотль.

– Пусть его супруга и слуги пойдут с ним, – сказал Мотекусома.

Властитель ацтеков забрался в роскошный паланкин, и рабы понесли его со стадиона. Воины-ягуары и воины-орлы неотступно сопровождали Мотекусому. За паланкином властителя, рабы тащили паланкины, в которых разместились правители Тескоко и Тлакопана. За ними следовали Текалотль с Китлалполь и слугами.

Уже в густых сумерках процессия приблизилась к дворцу Мотекусомы. На высокой стене, за которой располагалась дворцовая территория, горели десятки факелов. Своими мерцающими бликами они подсвечивали прекрасные и таинственные висячие сады.

Рабы внесли паланкины в широкие ворота. Текалотль и Китлалполь прошли на дворцовую территорию. Оробевшие Мекатли и Оцетлана немного задержались перед входом, однако воины легонько подтолкнули их в спину копьями, и юный слуга с красавицей-рабыней поспешили вслед за хозяевами. Видимо, по пути стражники уже разобрались, с кем из гостей можно не особенно церемониться.

На дворцовой территории, озаряемой светом многочисленных факелов, располагались красивые многоярусные овальные и прямоугольные здания с выступающими на каждом ярусе террасами. Освещённый факелами сад правителя ацтеков изумлял гостей. Здесь, среди живых деревьев, можно было увидеть искусственные деревья с золотыми и серебряными листьями и плодами, изготовленными из драгоценных камней. Повсюду стояли золотые изваяния птиц, зверей и рептилий.

Следуя за паланкином Мотекусомы и закрытыми носилками правителей союзных государств, гости прошли мимо зверинца, из которого доносилось рычание ягуаров, и вступили в роскошный дворец правителя ацтеков.

Архитектура и внутреннее убранство дворца изумили Мекатли и Оцетлану, которые восхищённо смотрели по сторонам. Текалотль и Китлалполь не так сильно, как их слуги, удивлялись красоте дворца правителя ацтеков, поскольку раньше не раз бывали в нём. Правда, обычно приёмы Мотекусома устраивал днём. Теперь, в ночное время, при свете факелов, которые источали приятный аромат благовоний, роскошный дворец правителя ацтеков казался Китлалполь таинственным.

Мотекусома и правителей союзных государств рабы понесли вглубь дворца. Следом за ними шли воины-орлы и воины-ягуары. Гости старались не отставать от них. Мекатли и Оцетлана продолжали заворожённо осматривать богатое убранство дворца. Если снаружи дворец имел величественный вид, то внутри поражал своим изысканным великолепием. Пол украшала яркая мозаика, стены были покрыты золотыми росписями и разноцветными тканями с узорами, свод отделан терракотовым деревом. Во дворце было много обсидиановых зеркал и золотых статуй.

Следуя по длинному коридору с высоким сводом и позолоченными колоннами, гости столкнулись с большеголовым кривоногим карликом в синем плаще. Китлалполь знала, что во дворце Мотекусомы живут уроды и карлики, а потому не удивилась появлению одного из них. Большеголовый карлик скрылся за колоннами.

Рабы занесли паланкины Несауальпилли и Тотокиуацина в предназначенные для них просторные комнаты.

Паланкин Мотекусомы рабы пронесли немного дальше и поставили на пол в огромном зале с купольным сводом, ярко освещённом множеством светильников. У дальней покрытой изящными золотыми узорами стены, на постаменте, стоял роскошный золотой трон с высокой спинкой, к которому вели пять золотых ступеней. Ножки трона обвивали две золотые змеи с нефритовыми глазами. Возле трона располагался небольшой прямоугольный бассейн, в который правитель ацтеков трижды в день бросал золотые чашки, испив из них вкусный напиток чоколатль. Всё дно бассейна было покрыто толстым слоем этих чашек.

Мотекусома медленно взошёл на постамент, опираясь на жезл и позвякивая золотыми браслетами. Усевшись на трон, правитель поправил на голове высокую корону и внимательно посмотрел на Текалотля, вошедшего в тронный зал. Супруга наместника и слуги остались за дверью – стражники преградили им путь.

Китлалполь была неприятно удивлена, заметив облачённого в пурпурный плащ Чимолли, который стоял в коридоре за колонной. На голове долговязого худого горбоносого жреца был высокий венец, украшенный пышными алыми перьями. Чимолли узнал Китлалполль и уставился на неё своими маленькими колючими глазами. Взгляд жреца не сулил ничего хорошего

ни Китлалполь, ни её спутникам. Судя по всему, Чимолли успел заметить и прошедшего в тронный зал Текалотля. Китлалполь догадалась, что старший жрец Миштлиалтепетля скоро посетит правителя ацтеков, если только он уже не успел побывать сегодня днём у Мотекусомы. Китлалполь на мгновение перевела взгляд на расписанную золотыми узорами дверь, за которой скрылся Текалотль, а когда снова взглянула на то место, где только что стоял Чимолли, то никого не увидела. Старший жрец Заоблачного города исчез, словно растворился в воздухе.

– Так какие новости ты принёс из Миштлиалтепетля, Текалотль? – строго спросил Мотекусума, пристально рассматривая стоявшего перед ним наместника.

Начальник стражи пламенем факела поджёт установленную на треножнике возле трона чашу для курения благовоний. По залу растёкся приторный дурмящий запах табака, смол и душистых цветов.

– В Заоблачном городе беспокойно, правитель, – сказал Текалотль.

– Я знаю, что там беспокойно. Скажи мне, Текалотль, отчего тебе пришлось бежать из Миштлиалтепетля? – скривив губы, поинтересовался Мотекусума.

– На мой дом подстрекатели натравили чернь.

– Плохо, что ты, Текалотль, в последнее время почти забыл о моём существовании, а вот Чимолли регулярно направлял ко мне гонцов, – произнёс Мотекусума.

– И что же гонцы сообщили тебе, великий правитель?

– Они принесли плохие вести. Чимолли сообщает, что ты ведёшь себя неподобающим образом, – в голосе Мотекусомы стало угадываться недовольство.

– В чём заключаются претензии Чимолли?

– Полагаю, что тебе лучше самому мне всё рассказать и высказать мне свою просьбу. Ведь ты для этого и прибыл в Теночтитлан, не так ли?

– Да. Я всё расскажу... Я молю тебя о защите, великий Мотекусума!

– Тебе в пору просить предоставить тебе и твоей супруге убежище. Верно? – взглянув в глаза Текалотлю, спросил Мотекусума.

– Действительно, нам с женой пришлось бежать из Миштлиалтепетля, спасая свои жизни, и теперь нам нужно найти надёжное убежище, – признался Текалотль.

– Расскажи честно, что послужило истинной причиной вашего бегства?

– Я уже говорил, что подстрекатели подговорили толпу, которая собиралась ворваться в мой дом и учинить расправу над моей семьёй.

– И ты сейчас скажешь, что толпа требовала изгнания твоей супруги или жителя Миштлиалтепетля даже собирались с ней расправиться, поскольку она чужеземка? – краешками тонких губ усмехнулся Мотекусума.

– Ты проницателен, повелитель, – склонив голову, проговорил Текалотль.

– Возможно, ты или твоя супруга перешли дорогу кому-нибудь из горожан?

– Не знаю, – пожал плечами наместник.

– Может быть, торговец собачьим мясом, имеющий близких родственников среди жрецов Тенчтитлана и моих придворных за что-то разозлился на твою супругу? У него, кстати, сбежал раб, и ему так пока и не удалось поймать беглеца.

– Возможно, что именно торговец собачьим мясом подстрекал толпу, – сказал Текалотль, поразившись хорошей осведомлённости правителя ацтеков.

– Но ведь подстрекательство толпы рыночным торговцем не должно было так сильно напугать тебя, чтобы ты бежал из дома? Разве нельзя было обуздать толпу, вызвав на подмогу воинов-ягуаров или воинов-орлов? Впрочем, они сами должны были разогнать толпу. Что же случилось? Отчего за наместника правителя ацтеков никто не вступился? Или тебя, Текалотль, перестали уважать горожане, и воины не спешили к тебе на помощь, потому что ты стал неугоден не только черни, но и знатым жителям Миштлиалтепетля?

– Что ж, возможно, некоторые жрецы стали относиться ко мне недружелюбно, – предположил Текалотль.

– И что же такое должно было случиться, чтобы жрецы стали к тебе плохо относиться? Неужели это произошло на пустом месте?

– Не знаю. Я хочу поведать тебе, великий правитель, что незадолго перед тем, как около моего дома собралась разъярённая толпа, меня пытались отравить. Я чудом выжил после ужина во дворце Чимолли. Наверно, это случилось из-за того, что мы с ним разошлись во мнении по некоторым вопросам.

– Это возмутительно! Как злодеи посмели пытаться отравить моего наместника в Миштлиалтепетле! Как только они могли такое задумать! – притворно рассердился Мотекусوما. – Так в чём Чимолли был с тобой не согласен?

– Похоже, Чимолли через гонцов уже успел рассказать, что я предложил смягчить обряд жертвоприношения в Заоблачном городе.

– Ах, вот как! Ты предложил... Может, ты уже стал правителем Заоблачного города? Или ты стал правителем всех ацтеков и верховным жрецом?! Тогда тебе в самый раз пришло время возглавить Тройственный союз вместо меня! – срывающимся голосом закричал Мотекусوما.

– Я не могу о таком даже помыслить. Я прибыл к тебе, чтобы согласовать свои дальнейшие действия.

– Ты пришёл искать у меня защиты. Ты так вначале сказал.

– И не только за этим прибыл я в Теночтитлан. Мне нужен твой совет, правитель.

– Вот как! Теперь тебе понадобился совет. А ведь раньше ты действовал, не спрашивая советов.

– Ты сам, направляя меня в Миштлиалтепетль, говорил, чтобы я не беспокоил тебя лишним раз по пустякам, – попытался защититься Текалотль.

– Хорошо, – успокаиваясь, сказал Мотекусوما. – Тогда объясни мне твои предлагаемые нововведения. А то Чимолли в грамотах, переданных через гонцов, расписал такие ужасы, что тебя впору приносить в жертву Богам.

– Я всего лишь стал советовать жрецам главных храмов Миштлиалтепетля, чтобы они ограничили человеческие жертвоприношения. Ведь перед войной с Тласкалой понадобятся воины, ремесленники и земледельцы. К чему сокращать их численность?

– Ты хитришь, Текалотль! Ты только недавно узнал о готовящейся войне с Тласкалой. А ведь ты намного раньше пытался ограничивать жертвоприношения. Почему ты изворачиваешься?

Текалотль промолчал.

– Вот как! Ты уже не считаешь нужным отвечать на мои вопросы? Так зачем ты решил давать такие странные советы жрецам? Ведь подобные действия подрывают веру ацтеков. Нельзя допустить, чтобы и в вассальных Теночтитлану городах восторжествовала иная вера. Хватит с нас Тескокоалтепетля с реформатором Несауалькойтлем и сменившим его сыном – Несауальпилли.

– Я всего лишь дал жрецам Миштлиалтепетля совет.

– От такого твоего совета до уничтожения веры, а затем – гибели государства – всего один шаг! Знаешь ли ты, что твои речи смутили одного из нестойких жрецов. Мне известно, что в последнее время Олонтель – жрец Кетцалькоатля приносит в жертву только бабочек и колибри?

– Я слышал об этом.

– Ты не только слышал, но и видел такое жертвоприношение. Подумать только – приносить в жертву великому Богу каких-то бабочек!

– Но, правитель... – попытался сказать Текалотль, однако Мотекусوما оборвал его:

– Обращайся ко мне не просто: «Правитель», а «Верховный жрец и правитель ацтеков». Ты забыл, что я сижу на этом троне не только, чтобы управлять государством, но и чтобы блюсти каноны веры предков ацтеков. Да знаешь ли ты, что без веры в великих Богов, жаждущих крови, рухнет великая империя ацтеков! – распалившись, Мотекусома кричал всё громче.

– Более я не буду ни с кем вести подобные беседы, – сказал Текалотль.

– Хорошо, что ты мне просто обещаешь, а не просишь прощения. Я это не люблю, – Мотекусома немного смягчился и заговорил тише:

– Я помню заслуги твоего отца, Текалотль, а также твою отвагу и преданность мне. А потому, я повелеваю тебе вернуться в Миштлиалтепетль в своём прежнем качестве. Будь наместником в Заоблачном городе, соблюдай законы и крепи веру ацтеков! Я распорядюсь, чтобы тебе и твоей семье обеспечили защиту. Но, скажи, Текалотль, ведь раньше ты не особенно задумывался над огромным количеством человеческих жертв. Что могло подвигнуть тебя на твои действия? Уж не женщина ли тут замешана?

– Это моё личное мнение, верховный жрец и повелитель ацтеков, – твёрдо произнёс Текалотль и тут же поправился:

– Это было моё прежнее мнение.

– Хорошо. Я принял решение. Тебя, твою жену и слуг угостят ужином, а затем проводят в гостевой дворец. А завтра утром тебя с супругой, как и подобает знатным особам, рабы в паланкине доставят в Заоблачный город. Твои слуги пойдут пешком.

– Благодарю тебя, верховный жрец и повелитель ацтеков! – произнёс Текалотль.

– Ступай! У меня ещё есть дела. Встречи со мной ожидает ещё один знатный человек, прибывший из Миштлиалтепетля, – сказал Мотекусома.

Текалотль задумался, пытаясь догадаться, какое именно важное лицо имеет в виду правитель ацтеков, но Мотекусома прервал его размышления. Криво улыбувшись, правитель ацтеков громко хлопнул в ладоши. В зал вошёл Яотль и склонил голову перед Мотекусомой.

– Вели хорошо накормить наместника и его спутников, а затем отведи их в ближний гостевой дворец, – приказал Мотекусома и попросил:

– Только сейчас ненадолго задержись.

Текалотль вышел из тронного зала.

– Что решил Мотекусома? – спросила встревоженная Китлалполь. – Он так громко кричал.

– Мотекусома решил нас накормить и позволил нам переночевать в гостевом дворце, – сообщил Текалотль.

– Накормить? – в ужасе вытаращив глаза, тихо спросил Мекатли.

– Да. Правитель обещал нас накормить, – подтвердил Текалотль. – Тебя, Мекатли, и Оцетлану тоже угостят ужином. Ты рад?

– Но ведь это ужасно! – прошептал Мекатли. – Пожалуй, я не стану ничего есть.

– Ты разве не голоден? – удивился Текалотль.

– Ещё как голоден! Но ведь на тебя, хозяин, сейчас недовольно кричал правитель.

– Затем верховный жрец и правитель сменил гнев на милость. Но почему ты дрожишь, Мекатли? – удивился Текалотль. – Ведь Мотекусома кричал не на тебя, а на меня.

– Так ведь тебя, хозяин, недавно так накормили во дворце старшего жреца в Заоблачном городе, что ты едва дышал, а потом мне пришлось нести тебя на себе, – припомнил Мекатли.

– Ты думаешь, что за ужином нас могут отравить? – спросил Текалотль.

– Да. Нас могут угостить отравленной едой. Мотекусома не так прост. У богатых и знатных ацтеков свои причуды, – проговорил дрогнувшим голосом Мекатли.

– Хватит, дрожать, Мекатли! Прекрати трусить, – осуждающим тоном тихо сказала Оцетлана.

– Пока я не свободный человек, я не смогу не бояться, – прошептал Мекатли и спросил на ухо Текалотля:

– Как думаешь, хозяин, на стадионе я уже предстал перед ликом правителя ацтеков? Может, я уже могу считаться свободным гражданином?

– Вряд ли Солнцеликий Мотекусума заметил тебя. Даже, если он мельком взглянул в твою сторону, то мог лицезреть лишь прикрытые туникой и плащом спину и задницу, а по этим местам, согласишься, затруднительно определить, что это именно ты предстал перед ликом Мотекусы, – тихо ответил Текалотль.

Начальник стражи вышел из тронного зала и проводил гостей в уютную комнату, в центре которой стоял овальный мраморный стол. Красивый лепной потолок и украшенные позолоченными барельефами стены освещали установленные на треножниках светильники.

Гости сели на мягкие подушки, лежавшие на мраморных скамьях. Юные рабыни в длинных платьях, украшенных жемчугом и бирюзой, принесли на подносах блюда и столовые приборы. Затем бесшумно передвигавшиеся по мозаичному полу рабыни расставили на столе кубки, блюда со снедью и золотые кувшины с напитками. Рыбу подали на серебряных блюдах, а мясо – на золотых подносах. Когда юные рабыни покинули комнату, неизвестно откуда полилась нежные звуки флейты, и зазвенели колокольчики. Уставшие гости так ни не догадались, откуда доносились чудесные звуки.

Мекатли и Оцетлана некоторое время не притрагивались к пище. Оцетлана притихла, изумлённая тем обстоятельством, что ей, словно знатной женщине, прислуживают рабыни. Мекатли молча наблюдал, как едят Текалотль и Китлалполь.

– Что ты смотришь на нас, Мекатли? Почему не притрагиваешься к пище? И ты, Оцетлана, не стесняйся. Ешь! – посоветовал Текалотль. – Вы только поглядите, какая здесь вкусная еда: сочное нежное мясо индейки, пропитанное тыквенным соком, змеиное мясо под ванильным соусом, маисовая каша с сушёными муравьями. Попробуйте салат с мясом креветок и улиток, черепашьими яйцами, листьями пряных трав и кусочками рыбы, вымоченными в соке томатля?

Мекатли не ответил, а лишь сглотнул слюну. Он и сам с вождением взирал не только на предложенные Текалотлем яства, но и на жареную собачатину под острым соусом, и на аппетитные кусочки крокодильего мяса с отварной фасолью.

– Китлалполь, отведай шоколатль! Этот ароматный напиток имеет медовый привкус. К тому же, он в меру сдобрен перцем, – предложил Текалотль, наливая в кубок жены пенящийся напиток. – Я испил всего лишь треть кубка и уже почувствовал, как ко мне возвращаются силы.

В очередной раз, сглотнув слюну, Мекатли пододвинул к себе золотое блюдо с мясом индейки, и с жадностью набросился на еду. Его примеру последовала Оцетлана.

– Китлалполь, я не предлагаю тебе пульке, настоянный на остром перце. Этот напиток слишком крепкий. Пожалуй, Мекатли его может попробовать, – сказал Текалотль. – Ведь лишь взрослым свободным ацтекам дозволено пить пульке в обычные, непраздничные, дни. А во дворце правителя ацтеков тебе, Мекатли, никто не запретит пить этот божественный напиток.

– Я выпью пульке с превеликим удовольствием! – сказал Мекатли и налил из кувшина в свой в кубок дурмящий напиток.

– Нас с Мекатли встречают как знатных гостей. В то время, как лишь вы, Текалотль и Китлалполь являетесь особами, приближёнными к властителю ацтеков, – проговорила изумлённая Оцетлана.

– Это не совсем так. Вы заметили, что выставив на стол блюда, рабыни удалились. Нас не обслуживают рабыни, обычно стоящие позади и незаметно меняющие блюда и разливающие напитки, – заметил Текалотль. – Видно, отныне я уже не столь приближён к властителю, как ранее.

– То есть, как я понял, нас здесь не слишком-то уважают, – сказала немного захмелевший Мекатли.

– Говори тише, Мекатли! – шёпотом потребовал Текалотль. – А то и вправду, твои опасения сбудутся, и нам не поздоровится.

Мекатли умолк и стал озираться по сторонам. Только теперь он заметил стоявших возле двери воина-орла и воина-ягуара.

– Надо же! Нас охраняют! – тихо проговорил Мекатли.

Когда гости закончили трапезу, воины приоткрыли дверь и расступились.

– Пора отдыхать, – встав из-за стола, сказал Текалотль.

В коридоре гостей встретил Яотль, который проводил их в гостевой дворец. Мекатли и Оцетлане досталась небольшая комната на первом ярусе дворца, а Текалотля и Китлалполь начальник стражи повёл по широкой мраморной лестнице на второй ярус. Там он распахнул перед ними расписанную золотыми узорами дверь, и они прошли в спальню. Китлалполь уловила нежный аромат благоухающих цветов. При мерцающем пламени светильника, установленного на мраморном основании, можно было рассмотреть белые нежные цветы, насыпанные на покрытое шкурами мраморное ложе.

Когда начальник стражи спустился по мраморной лестнице, и стихли его шаги, Текалотль прикрыл дверь и затворил её на засов. Потом он скинул с Китлалполь одежду, подхватил её на руки и понёс на ложе...

Ранним утром Китлалполь открыла глаза и увидела над собой красивый лепной потолок с позолотой. Рядом с ней на невысоком покрытом шкурами ложе, раскинув руки, лежал ничком обнажённый Текалотль.

Китлалполь встала и подобрала с пола разбросанную одежду. Одевшись, она осмотрелась. Спальня, в которой они с Текалотлем провели ночь, была роскошной. Покрытые позолотой барельефы на стенах спальни изображали ацтекских Богов, птиц, зверей, раковины, колибри, крокодилов и змей. Не только по стенам извивались золотистые змеи. Золотистые змеи обвили ножки ложа, с которого Китлалполь только что встала. Вечером при тусклом пламени светильника, она не обратила на них внимания. Эти змеи показались ей живыми, настолько искусно они были изготовлены.

В окно ворвался свежий утренний ветерок. Китлалполь сладко потянулась и, подойдя к окну, увидела роскошный сад и бассейн со стекающей каскадами водой, украшенный скульптурами припавших к воде каменных ягуаров. В прозрачной воде бассейна плавали красивые рыбы.

Тишину раннего утра нарушило приглушённое рычание ягуара и пронзительные крики птиц, донёсшиеся из зверинца. Услышав эти звуки, Китлалполь встревожилась. Однако вскоре ягуар перестал рычать, птицы смолкли.

Тут за спиной Китлалполь раздалось громкое шипение. Решив, что в комнату проникла змея, Китлалполь вздрогнула и резко обернулась. Змею она не увидела.

За дверью раздался встревоженный голос Мекатли:

– Хозяева, просыпайтесь, пора уходить!

– Тише! Текалотль ещё спит, – сказала Китлалполь.

Мекатли приоткрыл дверь, и заглянул в комнату.

– Какой ты нахальный, Мекатли! Ты так бесцеремонно заглядываешь в нашу с Текалотлем спальню! – упрекнула беглого раба Китлалполь.

– Не ругай, меня, великодушная Китлалполь! Я здорово напуган. Мы с Оцетланой пережили жуткую ночь, – проговорил Мекатли.

– Надо же! – улыбнулась Китлалполь. – Отчего же ночь, проведённая с красивой девушкой, оказалась жуткой?

– Здесь опасно оставаться, хозяйка! Буди мужа, и скорее бегите отсюда! Мы с Оцетланой будем ожидать вас внизу. Она уже выбралась в окно и спряталась в густом саду.

– Но чего надо опасаться? – удивилась Китлалполь.

– Быстрее! Кажется, сюда идут! Вслед за Оцетланой, я убегу через окно в своей комнате. А из окна вашей спальни я боюсь прыгать. Здесь высоко, и я могу сломать ногу, – тихо сказал Мекатли.

Он закрыл дверь и сбежал по лестнице. Внизу скрипнула дверь. Вскоре Китлалполь услышала доносившиеся с улицы громкие шаги. Обычно такая тяжёлая поступь была у воинов, у которых на ногах были массивные бронзовые наколенники.

И тут Китлалполь заметила, как одна из золотистых змей, которые обвивали ножки ложа, зашевелилась. Китлалполь с ужасом смотрела на ожившую змею. Рептилия поползла по ложу, подбираясь к Текалотлю. Китлалполь кинулась к супругу и толкнула его в плечо. Текалотль не пошевелился. Его плечо было ледяным. И тут Китлалполь увидела выползавшую из-под руки мужа ещё одну жёлтую змею. Она заметила на шее мужа две маленькие ранки. Китлалполь догадалась, что её добрый мужественный Текалотль мёртв. Она с трудом сдержалась, чтобы не закричать от горя. Она не могла себе представить, что он сейчас не поднимется с ложа и, как обычно, не улыбнётся ей.

Китлалполь попятилась. Тут она увидела ещё одну золотистую змею, скользившую по выложенному разноцветной мозаикой полу. Китлалполь отбежала в сторону и тут же услышала, как внизу, на первом ярусе, заскрипела дверь.

– Надо же, здесь никого нет! – произнёс удивлённый мужской голос.

Китлалполь узнала голос начальника стражи.

– Потом убейте всех змей, а сейчас ступайте в спальню и незаметно вынесите тела наместника Текалотля и его супруги, если они мертвы. А если они ещё живы, то добейте их! – приказал Яотль.

Китлалполь не стала раздумывать. Она подняла с пола плащ Текалотля и набросила его на бездыханное тело мужа.

Ещё три золотистые змейки, выползшие из-под ложа, угрожающе зашипели. Стараясь не наступить на заполонивших спальню ядовитых змей, Китлалполь подбежала к окну, взобралась на подоконник и прыгнула: сначала на выступающую крышу первого яруса, а затем – на росший возле стены густой куст. Ветви кустарника смягчили удар, и Китлалполь не ушиблась. Её тут же схватил за руку неизвестно откуда появившийся Мекатли.

– Где Текалотль? – спросил юноша.

– Он умер, – ответила Китлалполь.

– Хозяйка! Мекатли! Сюда! – позвала Оцетлана, выглянувшая из-за дерева.

Прежде, чем Китлалполь, Мекатли и Оцетлана успели скрыться в густом саду, они слышали слова, произнесённые начальником стражи:

– Наместник мёртв! Но куда могли подеваться его жена и слуги? Всех змей убить! Недоглядевших рабов-смотрителей, по чьей вине ядовитые змеи проникли в гостевой дворец, принести в жертву Богам. Скорее убивайте змей, бездельники!

Из спальни, расположенной на втором ярусе гостевого дворца, до беглецов донеслись звуки тяжёлых ударов – это стражники рубили змей макуавитлями.

Китлалполь вслед за Оцетланой и Мекатли бежала по заросшему саду. Неожиданно, совсем близко, раздалось рычание ягуаров. Китлалполь отпрянула от увитой плющом клетки, которую сразу не заметила. В клетке, громко рыча, металась пара пятнистых хищника с оскаленными пастьями. Тут же проснулся весь зверинец. Беспokoйно защелкали в золотых клетках мелкие птицы, послышался орлиный клёкот, раздались хохочущие крики дурашливых попугаев и истошные вопли обезьян.

Китлалполь помчалась прочь от зверинца. Вместе с Мекатли и Оцетланой они бежали по удивительному прекрасному саду. Беглецы не обращали внимания на деревья с золотыми и серебряными листьями и бирюзовыми, рубиновыми и изумрудными плодами, на сиявшие под утренними солнечными лучами золотые статуи крокодилов, ягуаров и птиц. Они выбежали на поляну, над которой, на прочных цепях, протянутых между высокими деревьями, висели два диска. Большой золотой диск обозначал Солнце, а небольшой серебряный диск – Луну.

– Хозяйка! – крикнул Мекатли. – Кажется, нам советуют бежать в другую сторону.

Китлалполь остановилась и увидела большеголового карлика, которого они встретили вчера во дворце Мотекусомы. Карлик махнул рукой и сказал:

– Бегите туда!

Беглецы последовали совету карлика и вскоре оказались на заросшем тростником берегу канала, который был проложен по дворцовой территории. Этим каналом иногда пользовались гости и сам правитель ацтеков, проплывая на лодке под аркой, сделанной в стене, которая окружала дворцовый комплекс.

Ночью канал был перекрыт бронзовой решёткой. Рано утром стражники поднимали её с помощью механизмов. Сейчас решётка была поднята.

По каналу плавали лодки, на которых гребцы перевозили знатных ацтеков. Уже началась ежедневная утренняя прогулка вельмож на лодках по каналам Теночтитлана. Китлалполь поняла, что выбраться с дворцовой территории можно только по каналу. Однако каким образом это сделать, она не знала.

Тем временем Мекатли вышел из зарослей тростника и бесстрашно направился к опустевшей пристани, возле которой покачивались на воде привязанные к кольям лодки. Юноша отвязал одну из лодок и, встав на одно колено, принялся гребти широким веслом. Мекатли подвёл лодку к зарослям тростника, в которых прятались Китлалполь и Оцетлана, и позвал их:

– Хозяйка, садись на сиденье! А ты, Оцетлана, ложись на дно лодки.

Женщины забрались в лодку. Китлалполь села на скамью, а Оцетлана распласталась на дне лодки.

– Нас здесь заметят! – заволновалась Китлалполь.

– Конечно, заметят. Но не стоит переживать. Тебя из-за твоей одежды примут за супругу важного человека. Впрочем, это так и есть! – успокоил её Мекатли.

Их лодка опередила лодку с гребцом и женщиной, одетой в белую с золотыми узорами тунику, на плечи которой была наброшена розовая кечкемитль, расшитая серебристыми цветами.

– Улыбнитесь ей, хозяйка, – едва слышно посоветовал Мекатли.

Китлалполь выдавила из себя улыбку. Знатная женщина надменно посмотрела на улыбающуюся ей незнакомку и, отвернувшись.

Лодка с беглецами проплыла под аркой мимо нескольких вооружённых пиками и макуавитлями стражников, стоявших на берегах, возле стены.

Проплыв ещё немного, Мекатли вывел лодку в широкий центральный канал, который был переполнен сновавшими в разные стороны лодками. Здесь было легко затеряться. Плывших на лодках по своим делам горожан было не меньше, чем торговцев и покупателей на главном рынке столицы. Удачно избегая столкновения с мелкими судами и плавучими огородами, Мекатли вывел лодку на просторы озера Тескоко.

Хотя город остался далеко позади, Мекатли продолжал энергично гребти. Рыбаки, ставившие сети, с удивлением смотрели на пронёсшуюся мимо них лодку, которая вскоре пристала к дальнему берегу.

Оставив лодку в тростниковых зарослях, беглецы направились прочь от озера. Они добрались до поросших лесом гор и стали подниматься по склону.

Выйдя на открытое место, они остановились и посмотрели на озеро Тескоко и на столицу ацтеков. Погони за ними не было. Город жил своей размеренной жизнью. Удачному бегству гостей из Заоблачного города, помимо сообразительности и ловкости Мекатли, неожиданно проявившего невероятную смелость, способствовала несогласованность в действиях стражников. Растерявшийся начальник стражи не сразу сообразил, каким образом беглецам удалось покинуть дворцовую территорию. Сначала он приказал прочесать сад и все здания на территории дворца. Подозревая, что беглецы могут воспользоваться для побега водным путём, он всё же побоялся приказать, чтобы стражники опустили железную решётку. Он опасался, что, перекрыв канал, вызовет гнев вельмож, которые не смогли бы отправиться на традиционную утреннюю прогулку по каналам Теночтитлана. Без согласования с Мотекусомой начальник стражи не рискнул этого сделать, а правитель ацтеков ранним утром ещё спал.

Когда после долгих проволочек решётку, наконец, опустили, беглецы были уже далеко. Яотль уже собирался направить отряд воинов, чтобы те прочесали окрестные леса, однако проснувшийся Мотекусома остановил его. Правитель ацтеков посчитал, что сбежавшая супруга наместника и её слуги не представляют для него угрозы. Мотекусома был доволен. Текалотль умер внезапно и без лишнего шума. Теперь Мотекусоме не придётся выслушивать претензии Чимолли, возмущённого действиями наместника в Заоблачном городе. Правда, в Миштлиалтепетле ещё оставался поддавшийся идеям Текалотля жрец-вольнодумец по имени Олонтетль, который в последнее время стал приносить в жертву Кетцалькоатлю колибри и бабочек, но с ним уже должен разобраться сам Чимолли.

Когда стало ясно, что побег удался, Китлалполь решила отдохнуть. Она села на камень, в тени под деревом, и сказала:

– Мекатли, а ведь, ты оказался прав. Мотекусома нас собирался убить.

– Я об этом догадывался, – сказал Мекатли, присаживаясь рядом с Китлалполь на траву. – Только я думал, что нас отравят во время еды.

– Действительно, с чего это вдруг к нам запустили ядовитых змей, а не просто отравили? – задумалась Китлалполь.

– У знатных и богатых свои причуды, – ответил Мекатли.

– Ты спас нас, Мекатли! Спасибо тебе! – поблагодарила юношу Китлалполь.

– Я не ожидала, что ты такой смелый и ловкий! – восхищённо глядя на Мекатли, воскликнула Оцетлана. – Из-за чего ты стал храбрецом?

– Такой вот я странный, – смущённо ответил Мекатли.

– А ведь сначала я подумала, что ты нытик и трус, – сев на землю рядом с юношей, сказала юная рабыня.

– У меня не было выбора. Я должен был стать смельчаком, иначе мы с вами погибли, – сказал Мекатли.

– Расскажите, что случилось прошедшей ночью? Почему ранним утром ты сказал, что нам надо скорее бежать? – спросила Китлалполь.

– Мы с Оцетланой провели прекрасную и вместе с тем жуткую ночь, – ответил Мекатли и поведал Китлалполь о том, что произошло ночью в их с Оцетланой комнате.

После обильного ужина Мекатли и Оцетлане предоставили небольшую комнату на первом ярусе гостевого дворца. Видимо, эта комната предназначалась для слуг знатных гостей. На одной из стен были изображены лесные птицы и ягуар. Кроме застеленной покрывалом каменной лежанки и светильника в помещении ничего не было. Основание светильника обвивала каменная змея, которую Мекатли вначале испугался, приняв за настоящую рептилию. Тогда Оцетлана посмеялась над ним. Оцетлана вообще относилась к Мекатли несерьёзно и сопровождала его действия насмешками. Однако ночью выпитое пульке и сытная еда расслабили девушку, и она представила его смелым и сильным воином. Мекатли жарко обнимал Оцетлану

и шептал ей на ушко ласковые слова. Они не заметили, как забрезжил рассвет. В это время под лежанкой послышалось шипение. Догадавшись, что под кроватью оказалась змея, в Мекатли снова проснулась осторожность. Он побоялся спустить ноги на пол и застыл, словно окаменев. Тогда Оцетлана решила действовать сама. Она встала, оделась и, взяв в руку свою сандалию, замахнулась ею и стала дожидаться появления змеи. Вскоре из-за лежанки выползла жёлтая змея и зашипела, высунув раздвоенный язык. Оцетлана попыталась сандалией ударить рептилию по голове. Однако змея увернулась, и снова зашипела, готовясь к броску. Увидев, что Оцетлане грозит смертельная опасность, Мекатли снова стал смелым. Он спрыгнул с лежанки, схватил покрывало и набросил его на змею. Потом он взял Оцетлану за руку и подвёл к окну.

– Выбирайся в сад и жди меня, а я предупрежу хозяйку. Боюсь, что Китлалполь и её мужу тоже подкинули змей, – сказал Мекатли.

Девушка через окно выбралась в сад. Мекатли стал быстро одеваться. Ему не хотелось оставлять свою новую одежду во дворце. Он оделся и уже стал надевать на ноги сандалии, как из-под покрывала показалась жёлтая змея. Мекатли с силой шлёпнул сандалией змею по голове и убил её. Не успел он порадоваться своему успеху, как ему показалось, будто каменная змея, обвивавшая ножки лежанки, зашевелилась. Мекатли охватил суеверный ужас. Он решил, что стали оживать все изображённые на стенах животные и птицы. Ему даже показалось, будто нарисованный ягуар повернул голову и зарычал. Вдобавок в тишину утра ворвалось рычание ягуара, раздавшееся совсем близко. К грозному рыку хищника присоединились защебетавшие птицы. Мекатли выскочил в коридор и по лестнице взбежал на второй ярус. Он успел предупредить Китлалполь об опасности, а сам вернулся назад. В их с Оцетланой спальне уже ползало несколько жёлтых змей. Стараясь не наступить на рептилий, Мекатли устремился к окну и выбрался на улицу.

– А потом я увидел тебя, хозяйка, – закончил рассказ Мекатли.

– Всё-таки, ты смелый мальчик! – сказала Китлалполь.

– При грозящей мне или моим друзьям реальной опасности у меня откуда-то берётся смелость, а затем я снова начинаю всего бояться, – пожаловался Мекатли.

– Значит, ты действительно храбрый человек. А вот когда тебе никто и ничто не угрожает, ты начинаешь слишком много размышлять и придумываешь всякие несуществующие ужасы, – заметила Китлалполь.

– Какие это такие несуществующие ужасы? – вскричал Мекатли. – Да все эти ужасы происходят с нами почти каждый день! Посуди сама, хозяйка, каждый день мы видим насильственную смерть или раба, или воина, или ребёнка, или женщины. Даже вчерашний день не обошёлся без гибели людей. Мало того, что погибли игроки в тлалтли от удара мячом во время игры, так ещё этой ночью не стало Текалотля.

Китлалполь, вспомнив о муже, тяжело вздохнула и смахнула со щеки слезу.

– Не плачь, хозяйка! – сказала Оцетлана.

– Я не могу не плакать, – всхлипнула Китлалполь. – Ведь это из-за меня убили Текалотля. Если бы я не уговаривала его, чтобы он попытался убедить жрецов Заоблачного города сократить человеческие жертвоприношения, Текалотль не нажил бы себе столько врагов.

– Текалотль был добрым хозяином, – сказала Оцетлана и обняла за плечи зарывавшую Китлалполь.

– Вы так хорошо вспоминаете о Текалотле! Но ему не так уж и плохо. Он недолго страдал – от укуса этих змей умирают почти мгновенно. К тому же, его наверняка похоронят с почестями в Теночтитлане. А вот мы с вами оказались в лесу, где нас может съесть ягуар, а если мы выйдем на дорогу или попытаемся зайти в селение, нас могут схватить, убить и бросить на корм собакам, – сказал Мекатли.

Китлалполь перестала плакать и спросила:

– Признайся, Мекатли, ты сейчас вспомнил об Эхекатле – торговце собачьим мясом? – спросила Китлалполь.

– Ты угадала, хозяйка.

Китлалполь отстранила от себя Оцетлану, встала и, глядя на раскинувшийся внизу Теночтитлан, произнесла:

– Видимо невозможно изменить порядок вещей, установленный жрецами ацтеков. Теперь я переживаю ещё за одного человека, который тоже стал разделять мои мысли, и теперь ему грозит смерть.

– О ком ты говоришь хозяйка? – поинтересовалась Оцетлана.

– О жреце храма Кетцалькоатля в Заоблачном городе по имени Олонтетль, – сказала Китлалполь.

– Разве жрецам может что-то грозить? – удивилась рабыня.

– Конечно. Ведь Олонтетль пошёл против установленного порядка. В последнее время он не проводил кровавые обряды с человеческими жертвоприношениями. Этот жрец пошёл против устоев веры, и остальные жрецы ему этого не простят. Он теперь приносит в жертву лишь бабочек и колибри. По указанию Чимолли Олонтетля могут убить или воины, или другие жрецы.

– Что собираешься делать, хозяйка? Куда теперь нам идти? – спросил Мекатли.

– Надо возвращаться в Заоблачный город, – решила Китлалполь.

– Но ведь там тебя ожидает смерть. Неужели ты этого не понимаешь, хозяйка? – поразился Мекатли.

– Я не могу оставить в беде Олонтетля. Сначала я должна попасть в Миштлиалтепетль, а уж потом буду решать, что делать дальше, – объявила Китлалполь.

– Ну, тогда нам с Оцетланой с тобой не по пути. Мы с ней отправимся в более спокойное место, – заявил Мекатли.

– Где же ты сейчас отыщешь спокойное место? – удивилась Китлалполь.

– Да хотя бы в Тескокоалтепетле. Говорят, в последнее время, там не устраивают жертвоприношения людей.

– Ты ошибаешься, – возразила Китлалполь. – В Тескокоалтепетле не спокойно. Там сейчас собирают армию, чтобы идти воевать с Тласкалой.

– Тогда можно отправиться в Тласкалу. Там не любят ацтеков и нас, беглецов из Теночтитлана, хорошо примут, – предложил Мекатли.

– Это было бы неплохо. Да вот только без меня тебе в Тласкале будет нелегко. К тому же, Тласкала сейчас готовится к войне с Тройственным союзом ацтеков. Как тебе такое будущее – во время войны тебя захватывают в плен ацтеки и приносят в жертву Богам на пирамиде Солнца? – предположила Китлалполь.

– Это ужасно! Это никогда не должно случиться! – вскричал Мекатли.

– Никто из простых людей не застрахован от смерти от ножа жреца на жертвенном камне, – сказала Китлалполь.

– У меня, у живого, не должны вырезать сердце. Ведь я один такой Мекатли на земле, и другого такого нет, и никогда больше не будет! – восклицал беглый раб.

– А ведь нам действительно некуда идти, – сказала Оцетлана.

– Я попробую вернуться на родину предков. Возьму с собой Оцетлану и там мы заживём спокойно, – решил Мекатли.

– Там вас никто не ждёт, – сказала Китлалполь. – К тому же тебе не дадут перейти границу страны ацтеков воины-ягуары, караулящие вражеских лазутчиков и своих перебежчиков в джунглях, и воины-орлы, отслеживающие пограничные горные тропы.

– Тогда мы с Оцетланой будем жить в густых горных лесах, – решил Мекатли.

– За меня не решай! – сердито сказала Оцетлана. – Я всё ещё остаюсь рабыней Китлалполь. Я не брошу свою хозяйку.

– Оцетлана, с сегодняшнего дня ты можешь быть свободна, – сказала Китлалполь.

– Благодарю тебя, хозяйка, но зачем мне свобода? В доме доброго Текалотля мне было хорошо, а что я буду делать на свободе? – задумалась Оцетлана.

– Тебе ни в коем случае нельзя возвращаться в Заоблачный город. Узнав, что Текалотль мёртв, а его супруга Китлалполь впала в немилость, их рабов распродадут. Если ты доберёшься до Миштлиалтепетля, то и тебя продадут на рынке. И знаешь, кто будет самым крупным покупателем рабов Текалотля? – спросил Мекатли.

Оцетлана пожала плечами.

– Им станет Эхекатль, этот злодей! – воскликнул Мекатли.

– Мне не нравятся твои трусливые слова, Мекатли. Как же быстро ты снова превратился из храбреца в труса! – гневно произнесла Оцетлана.

– Ради тебя я снова готов стать героем, – сказал Мекатли.

– Тогда слушай: свою хозяйку я не брошу и последую за ней, куда бы она ни направилась. Ты меня не удержишь, потому что я уважаю Китлалполь, и для меня она так и осталась хозяйкой! – с жаром произнесла Оцетлана.

– Оцетлана, теперь ты моя подруга. А ты, Мекатли стал мне братом после событий этого утра. Поэтому я не собираюсь рисковать вашими жизнями и отправлюсь в Миштлиалтепетль одна. Время, проведённое с вами в Теночтитлане, во многом изменило меня. Теперь уже не будет той Китлалполь, которая беззаботно жила за спиной влиятельного мужа. Отныне мне предстоит многое решать самой. Сейчас же я возвращаюсь в Заоблачный город, – объявила Китлалполь.

– Хозяйка, ты не сможешь помешать мне следовать за тобой, – сказала Оцетлана.

– Раз так, то я пойду с вами. Я готов умереть за вас – за тебя, милая Оцетлана, без которой для меня нет жизни, и за тебя, добрая Китлалполь, которая стала для меня сестрой, – решил Мекатли. – Я ничего не боюсь!

– Я рада, что ты снова стал смелым, Мекатли! – обрадовалась Оцетлана.

– Я готов сражаться за вас и умереть! – воскликнул Мекатли и, вздохнув, добавил:

– Только жаль, что Текалотль забрал у меня нож. Ему он так и не пригодился.

– Что ж, тогда мы пойдём вместе и постараемся быть предельно осторожными, – сказала Китлалполь.

– Значит, нам снова придётся скрываться? – спросила Оцетлана.

– Мы пойдём лесом и постараемся никому не попадаться на глаза. Да и в самом Миштлиалтепетле нам нельзя появляться днём. Теперь я не буду наивной, как раньше. В Заоблачный город возвращается Китлалполь, родом из Тласкалы, которая будет мстить врагам и выручать из беды друзей!

Глава 5. Казнь бабочек

Китлалполь, Мекатли и Оцетлана заблудились в лесу, и подошли к окраине Миштлиалтепетля лишь к вечеру следующего дня.

Со всех сторон путь в Заоблачный город преграждали отвесные скалы. Пройти в город можно было только по дороге через прорубленный в скале проход, перекрытый массивными воротами, возле которых дежурили стражники.

Кварталы, населённые бедняками, начинались от самого края плато.

– Никогда не предполагала, что мне будет так трудно попасть в Заоблачный город, – сокрушалась Китлалполь. – Его окружают такие неприступные скалы.

– Это раньше на эти скалы было невозможно забраться без приставных или верёвочных лестниц. А теперь возле скал выросли высокие деревья, по которым можно подняться и проникнуть в город. Я попробую первым, – решил Мекатли.

– Ты молодец, Мекатли! Только полезешь не ты, а я. Вы с Оцетланой останетесь в лесу и будете ждать меня в этом месте. Если к следующей ночи я не вернусь, вы будете искать спокойное место для жизни, как ты и мечтал, – сказала Китлалполь.

– Будь осторожна, хозяйка! – предупредила Оцетлана.

– Будь хитра, Китлалполь! – посоветовал Мекатли.

– Я буду хитра и осторожна, – пообещала Китлалполь.

Когда наступила ночь, Китлалполь подошла к высокому дереву, росшему возле отвесной скалы.

– К счастью, на этом дереве не сидят бабочки, как на соседних деревьях, – заметила Китлалполь. – Жалко было бы их раздавить.

– Ты сможешь забраться? – спросил Мекатли.

– В детстве я неплохо лазала по деревьям, – сказала Китлалполь.

Скинув кечкемитль, она ухватила за толстый нижний сук и, ловко подтянувшись, стала взбираться на дерево. Ей удалось подняться почти до самого верха скалы. Затем Китлалполь дотянулась до свисающей со скалы лианы и по ней поднялась до края плато. Из-за густого тумана, который окутал окраину Миштлиалтепетля, были видны лишь контуры построек. Это было на руку лазутчице – в темноте и плотном тумане её было трудно заметить. Впрочем, ей самой тоже было нелегко понять, куда идти. Матово-жёлтая луна, проглядывавшая в просветах облаков, лишь, время от времени, тусклым рассеянным светом освещала окраину Миштлиалтепетля.

Китлалполь с трудом обнаружила узкую тропку, по которой она прокралась между домами, и вышла на улочку, петлявшую между двумя рядами домов. Китлалполь направилась к центру города, прислушиваясь, как в пристройках к жилым домам бурчат чванливые индюки и поскуливают бесщёрстные собаки. К её счастью, окраины Заоблачного города не освещались факелами, и она незамеченной добралась до центра города. Улицы и площади здесь были освещены факелами, однако их свет почти не пробивался сквозь плотный туман. Китлалполь услышала гулкие шаги. По мостовым прохаживались отряды стражников.

Чтобы её шаги были не слышны, Китлалполь сняла сандалии и взяла их в руки. Она хорошо знала центр города и поэтому вскоре вышла к площади, на которой стоял её дом. Китлалполь приблизилась к двери и постучала. На пороге показалась Коаксок, державшая в руке тускло горевший факел.

– Кто здесь? – спросила старая рабыня.

– Это я, твоя хозяйка, – прошептала Китлалполь.

– Слава Великим Богам! Ты жива, добрая Китлалполь! – обрадовалась старуха.

– Говори тише! – проходя в дом, попросила Китлалполь.

Старуха затворила за хозяйкой дверь и быстро заговорила:

– А я, как услышала стук в дверь, подумала, что снова нагрянули воины. Они уже пять раз приходили после вашего с Текалотлем бегства. Весь дом перерыли, думали, будто вы спрячетесь здесь, а обвал в тайном подземном ходе устроили нарочно, чтобы запутать преследователей. В первый раз вместе с воинами пришёл Чимолли – старший жрец города. Правда, больше он не приходил.

– Понятно, почему он потом не приходил. Чимолли направился в Теночтитлан.

– Наверно, он жаловался на нашего хозяина правителю ацтеков?

– Скорее всего, так и было.

– А где же хозяин?

– Текалотль умер. Его укусила змея в гостевом дворце Мотекусомы.

– Как такое могло случиться? Неужели по гостевому дворцу правителя ацтеков ползают змеи? Бедный Текалотль! Никогда у нас больше не будет такого хорошего хозяина! – заприметила Коаксок.

– Тише! – снова попросила Китлалполь.

– А где сейчас тот беглый раб и Оцетлана, которые ушли вместе с тобой и Текалотлем? – шёпотом поинтересовалась старуха.

– Они живы, сейчас прячутся в лесу.

Факел в руке старухи погас.

– Я сейчас зажгу факел, – сказала старая рабыня.

– Не надо света. Никто не должен меня здесь видеть и знать, что я посетила свой дом.

Скоро я его покину.

– Правильно, хозяйка! Тебе не стоит здесь задерживаться. Некоторые рабы и слуги готовы выдать тебя за вознаграждение, которое посулил всем нам жрец Чимолли, – призналась старуха. – Но я никогда не предаю тебя, добрая Китлалполь!

– Накорми меня и дай одежду, в которой меня никто не узнает, – попросила Китлалполь.

– Проходи, хозяйка, в свою комнату. Я поищу подходящую одежду. А сначала я принесу тебе пару лепёшек и чашку воды. Другой еды у нас нет. Всё забрали солдаты. Даже воды осталось мало в нашем колодце.

Коаксок проводила Китлалполь в её комнату, а затем принесла еду. При тусклом свете, исходявшем от небольшого светильника, Китлалполь села на каменную лежанку, съела две маисовые лепёшки и запила их водой из чашки, на дне которой был мелкий песок.

– Сейчас я тебе принесу куэйтль, уипиль и кечкемитль, которые ты мне подарила в прошлом году. Я их так ни разу и не надела. Я ведь ещё тогда говорила тебе, что такую богатую одежду не пристало надевать старой рабыне. Меня бы побили палками, выйди я в ней на улицу. Я берегла её для домашнего праздника. Всё думала, что мы дождёмся счастливого дня, когда ты родишь Текалотлю ребёнка. Да вот только так и не дождалась, – проговорила Коаксок.

– Так и не послали Боги нам с Текалотлем детей. Впрочем, теперь это даже хорошо. Незавидная судьба ожидает детей опальных знатных ацтеков, – сказала Китлалполь.

– Я сейчас схожу за хорошей одеждой. Она должна тебе подойти, – пообещала Коаксок.

– Не надо. Мне не нужна хорошая одежда.

– Но на тебе такие грязные куэйтль и уипиль!

– Не суетись, Коаксок. Я не собираюсь щеголять перед горожанами в красивом наряде. Мне важно, чтобы днём меня не узнали на улицах Миштлиалтепетля. А мне надо завтра добраться до храма Кетцалькоатля.

– Не лучше ли пройти туда под покровом ночи?

– Ночью идти в центр города ещё опаснее, чем днём. Слишком много стражников ходит по ночному городу. Они могут схватить меня, заметив на пустынной улице. А днём можно затеряться в толпе.

– Вот что я придумала: надень мою старую одежду и возьми в руку клюку. Набрось на плечи мою рваную накидку поверх посеревшей от частых стирок сорочки и юбки. Так ты будешь похожа на старуху. Мы с тобой одного роста. Тебе подойдёт моя одежда. Правда, тебе придётся немного сгорбиться и научиться шаркать ногами. Возьми с собой клюку и корзину, будто ты собралась идти на рынок. В такой одежде ты можешь днём спокойно ходить по городу. На тебя никто не обратит внимания.

– Я так и поступлю. Неси свою одежду.

– Вот только старые рабыни не носят головных уборов, а твои волосы не похожи на волосы древней старухи – они чёрные и пышные, – проговорила старуха и, пристально посмотрев на Китлалполь, сказала:

– В твоих волосах появились седые пряди. Ты пережила большое горе, хозяйка.

– Моего мужа подло убили. Змеи не могли просто так заползти в гостевой дворец. Текалотля убили по указанию верховного жреца и правителя ацтеков. Понимаешь, Коаксок?

– Понимаю, хозяйка. Только не произноси эти слова громко. Иначе тебе не сносить головы.

– Ты не добавила: моей поседевшей головы, – грустно произнесла Китлалполь.

– Не расстраивайся. Ты молода и красива. Седые пряди не сделают тебя дурнушкой.

– Что ж, возможно сами Боги посеребрили мои волосы. Ведь теперь мне будет легче притвориться старухой.

– Тебе надо отдохнуть. Поспи, Китлалполь. Я разбужу тебя, как только забрезжит рассвет.

– Спасибо, Коаксок!

– Знай, хозяйка, что я до последнего своего вздоха буду помогать тебе, – пообещала старуха.

Дунув на пламя светильника, Коаксок вышла из погружившейся во тьму комнаты. Уставшая Китлалполь вытянулась на лежанке, и провалилась в глубокий сон.

Ранним утром её разбудила Коаксок:

– Просыпайся, хозяйка!

– Это ты, Коаксок? Мне сейчас приснился удивительный сон, – растерянно проговорила Китлалполь, усаживаясь на край лежанки. – Во сне я разговаривала и обнимала Текалотля, а потом на нас набросились ягуары и налетели орлы. Они оттащили от меня несчастного Текалотля и стали рвать его когтями и клювами. А потом я увидела, что это был уже не Текалотль, а Олонтетль – жрец Кетцалькоатля. Он был весь в крови! Это было ужасно! Что означает этот сон, Коаксок, как ты думаешь?

– Наверно, Олонтетлю угрожают воины-ягуары и воины-орлы. Кстати, об этом жреце в городе говорят с презрением или со смехом.

– Вот как? – грустно проговорила Китлалполь. – За что же так плохо относятся к этому жрецу?

– Его считают трусливым человеком.

– Олонтетль не трус! – воскликнула Китлалполь.

– Не кричи, хозяйка. Дом полон ушей. Люди считают его трусом, потому что он боится вырезать сердца у живых людей. Он перестал приносить достойные жертвы Кетцалькоатлю и теперь поджаривает бабочек.

– Но ведь Олонтетль перестал убивать людей вовсе не из-за трусости. Просто он добрый человек.

– В это веришь только ты, Китлалполь. Однако большинство горожан считает иначе.

– Это всё из-за Чимолли. Это он настраивает людей против Олонтетля!

– Горожан не надо настраивать против этого жреца. Простые люди сами возмущены тем, что алтарь в храме Кетцалькоатля давно не орошала человеческая кровь. Великому Богу нужна кровь, а Олонтетль не даёт ему напиться и набраться сил.

– Пернатому Змею не нужна человеческая кровь! – воскликнула Китлалполь. – Пернатый Змей никогда не требовал для себя жертв.

– Никто этого не знает, кроме жрецов, а те уверяют, что Кетцалькоатль так же, как и остальные Боги, с нетерпением ждёт человеческой крови.

– Похоже, в этом городе ничего нельзя изменить, – прошептала Китлалполь.

– И не надо ничего менять. Не губи свою жизнь! Такие люди, как Текалотль и Олонтетль порой рождаются на земле. Они восстают против жестоких порядков, однако это не приносит счастья ни им, ни их близким.

– Так что же, пусть и дальше льётся человеческая кровь по крутым ступеням пирамид?

– Но если не приносить жертвы великим Богам, они разозлятся. К примеру, уже давно нет дождей. Стоит засуха. Это говорит о том, что Боги сильно разгневаны на людей.

– Как ты можешь такое говорить, Коаксок? Причём тут дождь и жертвоприношения Кетцалькоатлю? Ведь тебе известно, что дождями ведаёт Бог дождя – Тлалок.

– Так ведь Пернатый Змей на небе жалуется другим Богам на трусливого бездельника – жреца Олонтетля. Вот Тлалок и напустил засуху.

– Странно. Я гляжу, что простые люди жаждут человеческих жертвоприношений.

– К сожалению или к счастью, но людей, страшящихся гнева Богов, большинство.

– Ничего нельзя изменить! – снова прошептала Китлалполь.

– Людям надо во что-то верить, хотя бы, в кровавых Богов. Ведь души жертв отправляются прямо на небо, в чертоги, где живут Великие Бог,! – сказала Коаксок.

– Но ведь никто не видел, как это происходит. Да и других Богов, кроме Кетцалькоатля, возможно, люди даже не видели. Это всё выдумки злых жрецов.

– Бедная, Китлалполь! Что ты вообразила! – в ужасе проговорила старая рабыня, обхватив руками голову. – С такими мыслями ты долго не проживёшь. Скорее выброси плохие мысли из головы! Ведь я всегда считала тебя благоразумной женщиной.

– Но ведь правители Тескокоалтепетля у себя в городе установили новую веру в единого Бога. Там больше не льётся с жертвенных камней человеческая кровь.

– Ты не правительница Заоблачного города, а Олонтетль – не верховный жрец. Олонтетль отказался принести в жертву нескольких рабов. Кстати, знаешь, что с ними случилось?

– Откуда мне знать? – пожала плечами Китлалполь.

– Их тут же отвели в храм Тецкатлипоки, и там, на жертвенном камне, им всем вырезал сердца жрец Кипактли.

– Какой ужас! – проговорила потрясённая Китлалполь.

– Что Олонтетль может предложить людям взамен существующей веры? Жертвоприношение бабочек и колибри?

– Так, значит, Олонтетля в городе не любят?

– Хуже. Над ним издеваются.

– Мне обязательно надо переговорить с ним.

– Не нужно, милая Китлалполь! Лучше дожись ночи, уходи в лес и вместе с Оцетланой и Мекатли отправляйтесь в Тласкалу. На твоей родине, как я слышала, правители-касики повелели прекратить приносить в жертву людей. Но ведь они – правители великого народа, такие же, как Несауальпилли из Тескоко. Им это позволено. Твой отец, как я слышала, близкий родственник одного из правителей Тласкалы – Шикотентакля. Тебя с радостью встретят в твоей родной Тласкале.

Китлалполь покачала головой и сказала:

– Нет. Я должна помочь Олонтетлю.

– Что ж, догадываюсь, что мне не удастся отговорить тебя от похода к пирамиде Луны, – вздохнула старуха.

– Ты принесла мне свою старую одежду?

– Как ты просила, хозяйка, – сказала Коаксок, подавая одежду.

Китлалполь надела старую серую юбку и выцветшую сорочку, сотканную из нитей агавы, а поверх набросила и повязала на плече порванную в нескольких местах накидку. Коаксок проводила Китлалполь до входной двери. По пути им никто не встретился. В это раннее утро все рабы и слуги спали. Китлалполь взяла клюку и корзину, которые подала ей Коаксок, и открыла дверь.

– Когда пойдёшь по улице, смотри в землю, старайся не глядеть на людей и не заговаривай ни с кем. Ты должна идти как старуха, чтобы не вызывать подозрений. Не выпускай из рук мою клюку и пустую корзину, с которой я хожу на рынок, – напутствовала свою хозяйку старая рабыня. – Тогда тебя могут принять за меня.

– Спасибо, Коаксок. Прощай! – сказала Китлалполь.

– Удачи тебе, добрая несчастная Китлалполь! – глядя вслед хозяйке, проговорила старуха.

Сгорбившись и опираясь на кривую клюку, Китлалполь преодолела пустынную площадь перед домом и пошла по улице. Встречавшиеся ей редкие прохожие – торговцы с корзинами на голове, наполненными товарами, и покупатели с пустыми плетёными корзинами, спозаранку направлявшиеся к центральному рынку, не обращали внимания на Китлалполь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.